

The background image is a photograph of a city street at night. The sky is dark and cloudy, suggesting an approaching storm. The street is wet, reflecting the lights from the buildings and street lamps. On the right side, there are tall buildings with lit windows. The overall mood is somber and atmospheric.

Ирина Горбачева

На пороге миллениума

16+

Ирина Горбачева

На пороге миллениума

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Горбачева И. Г.

На пороге миллениума / И. Г. Горбачева — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Для того, чтобы создавать новое будущее, необходимо помнить о прошлом. Хотя бы для того, чтобы не повторять прежних ошибок. Последнее десятилетие перед миллениумом стало тяжёлым испытанием для жителей Страны Советов, для России. Редкую семью обошло горе трудных перемен. Вылезшая гидра беззакония выявила многие проблемы общества. Как результат, разгул преступности. В книге, на примере героев показано всё, чем и как в эти годы жила страна: подкуп судей, нищенство малолетних, отъём квартир, спаивание населения, бесчинства власти и многое другое.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

В это утро дождь за окном, как всегда выдавал свою популярную «Рапсодию водосточных труб». Капли отбивали мелодичный ритм, убаюкивая меня и медитируя звуками, вводили в последний утренний транс. Из эйфории утреннего блаженства меня вывел резкий звонок телефона. Почему когда с таким трудом выкроишь время и вместо каждодневного издевательства над телом в виде раннего подъёма сделаешь себе полноценный выходной и наконец, захочешь выспаться от души, обязательно появляется это треклятое «но» вечно всплывающее в неподходящий момент и способное повернуть твою жизнь на все сто восемьдесят градусов. В телефонной трубке раздался голос моей старшей сестры Лёльки.

Идея назвать своего первенца необычным именем Лионелла принадлежала моей очень чувствительной начитанной мечтательнице маме. Папа в ту пору командир воинской части, будучи человеком военным очень надеялся, что родится сын, но и дочери был очень рад. Поддавшись на уловку мамы, которая пообещала в следующий раз осчастливить его наследником, он после некоторых колебаний согласился дать дочери непонятное для него имя с закреплением за собой права назвать следующего ребёнка по своему усмотрению. Лионеллу он стал называть просто и незатейливо Лёлькой. Но уже в моём свидетельстве о рождении появилось звучное и красивое имя Вероника. Папа долго его выбирал. Он искренне верил в то, что придумал новое имя, сложив в одно своё имя и имя любимой супруги. Но мама, показав познания в библейских историях, поведала ему о женщине из Иерусалима с таким именем, которая согласно преданию вытерла пот с лица Иисуса, когда он нёс крест на Голгофу.

– Героическая женщина! – отметил он.

Надо знать мою маму и её любовь ко всему необычному. Сбив отца с толку тем, что иметь в доме две Веры сложно она предложила называть меня более загадочным и изысканным сокращённым именем Ника. Так я и живу с веропобеждающим громким именем Вероника Гром.

– Лёля? Ты чего в такую рань? Что у тебя случилось? – спросила я сестру заспанным голосом.

– Ника прости. Разбудила? Я не знаю, что мне делать. Нам нужна очень большая сумма в валюте.

– Лёлька объясни что случилось.

– Потом всё расскажу. У Анатолия большие неприятности.

– Лёля уж этот твой Анатолий!

– Ника милая, прошу тебя, не начинай. Не до этого сейчас. Как ты думаешь, может позвонить в Варшаву тётушкам? Может они смогут хоть чем-то помочь?

– Занять у тётушек? Значит серьёзно влип твой прохиндей.

– Ника, зачем ты так.

– Хорошо, прости. Так какая сумма нужна? – я пыталась успокоиться.

– Тысяч двадцать, естественно под проценты. Мы обязательно отдадим.

– Долларов? Ты в своём уме? У кого и кто даст такую сумму? А потом, как я её провезу? Это хорошо он тебя подставляет!

– Я не подумала. Я не знаю что делать. Может, ты посоветуешься с Глебом?

– Лёля Глеб простой советский опер. Ты намекаешь на его знакомства в криминальном мире?

– Опять я сказала глупость. Прости. Я просто сейчас в таком состоянии. – Лёля я должна знать, что с тобой происходит?

– Позже Никочка, позже. Ты только родителей не расстраивай. Ничего им не говори. Выкрутимся.

Анатолий это второй муж моей сестры. Ради него она развелась со своей первой любовью Аликом Лещинским весёлым добродушным учёным физиком. Между прочим отцом их общей дочери Наташи. Мне не нравился её выбор. Что-то в этом Анатолии искусственное. Манеры какие-то неестественные. Чересчур любезен сверх меры аккуратен. В его присутствии я чувствую себя неуютно, а его отношение ко мне высокомерно-пренебрежительное. Поэтому после того, как в доме Лионеллы появился Анатолий, я стараюсь летать из Ростова-на-Дону в Москву всё реже и реже.

Много раз я пыталась направить на «путь истинный» Лионеллу уговаривая её бросить этого зануду и воссоединиться с отцом ребёнка. На что моя любимая старшая сестра, ехидничая, упрекала меня в том, что я просто влюблена в Альку. Сначала я тоже так думала но, проанализировав свои чувства, пришла к выводу, что Лёлька всё выдумывает. Ищет оправдания своему дурацкому поступку. А Альку я люблю, как старшего брата и не больше. Я даже пыталась представить себя любящей женой Алика. Но, только подумав о возможных близких отношениях с ним, на душе появилось такое чувство, словно должен произойти инцест. Бррр!

Анатолий совсем из другого мира. В Москву он приехал из Украины. Быстро освоился. Работает адвокатом. Есть люди с виду респектабельные, но при всей положительности в них что-тостораживает. Они до того удачливы что, как говорится, даже в мутной воде смогут без удил рыбку поймать. Но как бы я к нему не относилась, как говорит наша мама, надо уважать выбор сестры, что я и делаю все последние годы.

Выйдя из душа и надев тёплый мягкий халат, я пригубила глоток чёрного кофе. Напиток был восхитителен! В наше перестроечное смутное время, когда глаза видят чистоту пустых прилавков в магазинах, я приспособилась к комфорту по-своему. Два раза в год, но бывает и чаще, езжу к родственникам в Варшаву.

В совсем не давние времена Москва снабжала всю страну дефицитным товаром. Но теперь матушка – столица сама испытывает трудности провинции. А нам колбаса и не к чему! Мы люди южные донские привыкшие к ранним овощам к зелени и хорошей рыбе. Поэтому я перед поездкой в Польшу звоню в Брест знакомому, работающему на таможне, и сообщаю ему о своём выезде. Хорошую рыбку все любят. И простые смертные, и таможенники, что белорусские, что польские. Наши заграничные родственники наедаются вволю рыбными дарами. Огромными прозрачными от жирка цимлянскими лещами или по донскому чебаками и тающими во рту балыками из сома и рады им больше чем баночкам красной икры которую я им привожу и которую они всё равно обменивают на долла'ры.

Вот я и приспособилась, скажем, так сделала свой небольшой бизнес для души. Подарок в виде балыка и чебаков Андриюше таможеннику в Бресте. Такой же свёрточек с рыбой его другу и тёзке с Тираспольской таможни на польской стороне Анджею и ещё один свёрток с вкусным рыбным ароматом доезжает до Варшавы в подарок нашим родственникам.

В Варшаву я езжу не только за подарками для своих знакомых и родных. Люблю походить погулять по городу. Отвлечься от нашей обыденности. Видно что-то отложилось в генной памяти от предыдущих поколений, и этот город стал для меня родным и близким. А язык, которым владела наша бабушка, его я слышала с детства, понимаю на слух. Милая бабушка невзирая на страшные времена говорила дома только по-польску, а в моём детстве на мои подстрекательские вопросы о национальности в паспорте всегда отвечала:

– Тихо панночка, – делая мне знак пальцем, – я не русская, как здесь написано. Я мещанка, – отвечала она, долго размышляя, стоит ли мне так преждевременно открывать свою «тайну» о национальности.

В Варшаве я набираю разные спиртные напитки в красивых бутылках и сигареты на подарки мужчинам. А женщинам необычные красочные яркие коробки и разные упаковки с конфетами «Mozart» парфюмом. Затариваюсь такими подарками, так как у нас в России денег не надо подари заморскую штучковину на праздник. А праздников в России было много, а с

приходом нового времени стало ещё больше. Для себя везу исключительно молотый кофе разных сортов и книги. Вся эта красота покупается в варшавском «валютнике», типа нашей бывшей «Берёзки». Только в Польше такие магазины называются «Revex». Всё покупается там мною за пока ещё наказуемые у нас по действующему УК доллары. Только книги: Цветаева, Ахматова, Бунин, Набоков и многие другие за польские гроши. Вот такой международный бартер с родиной предков.

Допив кофе, я решила съездить к знакомому инспектору ОВИРа Виктории. С нею меня познакомил мой жених Глеб. Как мне не нравятся все эти новые перестроечные определения: бой-френд, фазенда, майкап. Очень надеюсь, что Глеб всё-таки станет моим мужем. Не знаю, правда, в близком или далёком будущем, но в этой роли я вижу только его.

Вот на такие непредвиденные ситуации, как сегодняшняя, мне и нужны яркие заграничные презенты, купленные в Польше в валютном магазине «Revex», которыми завалена моя небольшая чешская стенка. В пластиковый пакет я положила банку растворимого кофе в красивой упаковке, коробочку конфет «Mozart», набор женской косметики.

Вике понравится, а мне всё равно надо загранпаспорт сдать на обмен. Потом надо встретиться с Глебом. По телефону, тем более служебному, о валюте не говорят.

– Будьте добры Глеба Сергеевича. Глеб, привет. Уже на страже порядка? – я набрала служебный номер Глеба.

– Ника что-то случилось?

– Ну, ты опер конкретный. Ни здарсьте тебе любимая, сразу вопрос в глаз.

– Ника прости. У меня сейчас оперативка начнётся, спешу, говори, что случилось.

– Не у меня, у Лёльки. Давай встретимся, мне поговорить надо с тобой. – Так какие проблемы, я же сегодня у тебя. Вернусь с работы, всё расскажешь.

– Нет, товарищ капитан. Срочно и безотлагательно. Вечером само собой.

– Ок! Тогда подходи на наше место, часам к двенадцати, захвати пару бутербродов, заодно пообедаю. Но если не смогу, не обижайся. Целую.

– Слушаюсь, командир. Целую.

Соорудив несколько бутербродов для Глеба, я позвонила Виктории.

– Вика, с добрым утром. Это Вероника Гром.

– О, Ника ещё немного и я бы убежала.

– Викуль, а вы теперь с одиннадцати работаете? Можно к тебе подъехать?

– Опять к тёгушкам собралась?

– Да тут такое дело, ты сможешь мой паспорт быстро обменять? Я, правда, ещё не знаю, поеду или нет в этом месяце.

– Приезжай, договоримся. Да Никусь у моего френда скоро день рождения, ты не привезёшь мне что-то такое наполеоновское?

– Уже везу. Встречаемся там же в сквере?

– По радио передали, что дождя сегодня больше не будет. Так, что давай в сквере.

Я достала из своего запасника красочную бутылку бренди «Наполеон».

* * *

Опять пошёл дождь. Всю ночь лил, но перед тем как выйти из дома я посмотрела в окно. Яркое солнышко словно и не было ночью нудного дождя. Нет, опять пошёл! Почему дождь всегда начинается не вовремя? Я давно заметила, стоит перед выходом на улицу вытащить зонтик из сумочки и оставить его дома, так как синоптики обещали хорошую солнечную погоду или забыть его, то возвращаешься назад обязательно мокрой с головы до ног. Да ещё злой на этих «предсказателей погоды» потому что вечно они всё врут! Лежал себе и лежал зонт в

сумке, хлеба не просил, зато дождя не было. Только я так могу! Десять раз выложила зонт, опять положила, опять выложила. Хорошо, что моя певексная ветровка не промокает.

Это не дождь. Это настоящий южный ливень! Он всегда подкрадывается неожиданно. Только светило яркое солнце, на небе ни одной тучки, да и синоптики, как всегда, не сообщали ничего «мокрого». И вот неожиданно пропало солнце, прогремели грозные раскаты грома, сверкнула яркая молния, и на город выливается поток теплой, хлесткой воды.

Тротуары шумного города моментально опустели. Все прячутся кто куда. Ныряют в парадные домов, в магазины. Стоят, сжавшись, под навесами лотков и киосков. Я забежала в арку под домом, где уже столпились люди, ожидающие окончания ливня. На лицах у большинства некоторое раздражение. Это и понятно. Кто-то куда-то опаздывает, кто-то намок до нитки, у кого-то испортилась прическа, у девушек с ресниц тушь потекла.

У меня случилось всё сразу. К телу прилипло мокрое платье. И курточка не помогла. Я в смущении стерла со своих глаз черные подтеки, поправила прическу. Под нашими ногами с пеной наполнялись лужи. Идти по ним в туфельках перспектива малоприятная. А вот стоять и любоваться игрой сверкающих пузырей появляющихся на воде одно удовольствие.

Этот ливень никогда не прекратится! Столько воды не может вылиться сразу! Кажется, что придётся переплывать бурные звенящие реки, вытекающие на магистраль. Они напугали водителей автобусов, троллейбусов и легковых автомашин, которые остановились там, где застала их внезапно обрушившаяся на город вода. Все стоят и терпеливо ждут окончания «всемирного потопа».

Но вот кто-то прерывает общее раздумье словами: – Кажется, всё, прошёл!

Действительно. Пока каждый думал, мечтал, тихо беседовал о своем, вдруг, как ни в чем не бывало, засияло солнце. И куда пропали тёмные тучи? Небо стало ещё синее. О ливне, как напоминание, остались шумные дождевые потоки по не успевшему остыть от палящего солнца асфальту и мокрая листва на деревьях и кустарниках, которая от колыхания легкого ветерка осыпает нас остатками теплого южного ливня.

И опять закипело, забурлило движение. Горожане стали выходить из своих укрытий, машины загудели моторами. И побежал людской поток по мокрой бурлящей мостовой. Я тоже вышла из-под арки. Передо мной лужа, глубокая, большая. На каблуках мне её точно не перепрыгнуть! Пришлось искать самое узкое место у этого невероятно большого озера. Но его нет. Это не лужа, это не озеро, это – море!

Я не успела задуматься над тем, что же мне делать, я даже не успела ощутить тот полет чьих-то движений, как оказалась на руках молодого человека. Он, не пытаясь найти обходные пути, пронес меня через это раскинувшееся море и поставил на ноги на «другом берегу». Я только и успела одернуть платье, поднять голову, но парень с группой таких, же молодых людей улыбаясь, помахал мне рукой через окно отходившего автобуса. В ответ я могла только улыбнуться. Спасибо тебе, хороший молодой человек!

Видел бы меня в этот момент Глеб! Но всё равно, настроение моё поднялось. А сколько появилось улыбок на лицах людей от увиденной картины! Возгласов одобрения, смеха! Как здорово, что был этот ливень! Как я люблю мой город с его ливнями, жарой, пылью! С такими чудными людьми!

Глеб уже стоит на нашем месте. Нервничает, на часы смотрит. У него работа всегда на первом месте. Хотя мне уже давно кажется, что она занимает в его жизни все места сразу. Конечно, оперативник это не профессия. Это особенный образ жизни, особенный образ мышления.

С Глебом мы встречаемся уже несколько лет. Он оперативник в районном УВД. Встречаемся урывками. У него и раньше работы было невпроворот. А сейчас столько дел, что не до встреч. Всё бегом. По нормальному не поговорить. Некогда просто не пройти по городу. Даже поругаться, как это делают другие, не удаётся. Когда остаётся у меня до утра такого рас-

скажет! Жуть! Страшно. Что за времена настали?! Чикаго тридцатых годов ни дать ни взять. Такое впечатление, словно вся нечисть вылезла из своих закоулков наружу. А может, и до Перестройки так было, просто мы о многом и догадаться не могли. Газеты «Известия» или «Правда», несмотря на свои названия, рассказывали нам всё больше о заседаниях партийных чинуш, да о награждениях «любимого лидера партии». Зато теперь, вырвался наружу длинный язык жёлтой прессы. Теперь я вообще газет не читаю. Придерживаюсь советов булгаковского профессора Преображенского.

– Глеб тут такое дело...

– Ты почему такая мокрая? Заболеть хочешь? Опять зонт не взяла?

– Он бы меня всё равно не спас. А у тебя есть возможность спасти мою сестру.

– Лёлю? Что у неё случилось?

– Она утром звонила. У них что-то случилось и ей срочно нужна валюта. У тебя есть такой человек, который под проценты может занять доллары?

– Под статью меня подводишь?

– Я серьёзно! У неё был очень расстроенный голос. Просто так она бы не просила.

– Понимаю. Но радость моя, где бедный опер может найти валюту? Ладно. Узнай хотя бы, что там у них случилось? Богатые тоже заплакали? А на что Толик? Адвокат всё-таки! Они сейчас «зелень» только что не сушат!

– Давай без своих штучек! – обиделась я, – да значит, да! Нет, так, нет!

– Ладно, не обижайся. Всё узнаю, доложу, мой генерал. Какие сроки?

– Сроч-но!

– Всё, понял! Побежал. Да, Ника, ты бы со своим отцом посоветовалась. Он мужик толковый, а то влипнет ваша Лёлочка по самое ни-ку-да!

– Ой! Беги уж! Жду тебя вечером, – крикнула я ему вдогонку.

– Смотри, чтобы обед был вкусный! – ответил Глеб, махнув мне рукой на прощанье.

Проводив взглядом Глеба, я пошла к остановке, напротив Цирка, к которой с грохотом и скрежетом подъезжал трамвай. Надо съездить на рынок купить продукты для обеда. Чего не сделаешь для любимого?

* * *

Трясаясь в полупустом обшарпанном вагончике, я не заметила, как на следующей остановке вошла женщина.

– Вероника! – окликнула она меня. Это была Жанна, давняя знакомая нашей семьи. Она когда-то давно работала с моей мамой в новом тогда ещё парикмахерском салоне «Молодёжный», на Киргизской улице. Но потом перешла в другой салон, ближе к своему новому месту жительства.

Моя мама парикмахер, женский мастер. А вообще, мастер универсал. Работала парикмахером пока папа не получил квартиру от Штаба округа в новом микрорайоне на севере города. Мама и передала мне своё ремесло. Но трудиться в парикмахерской я не захотела по многим причинам, а для открытия своего салона у меня не было достаточных средств. Переняв у мамы её клиентов, я занялась, работай на дому и по вызову. Теперь я специалист широкого профиля. Делаю всё: стрижку, покраску, маникюр, педикюр. Обслуживаю своих клиентов комплексно и не очень дорого, поэтому всех это устраивает.

Правда, то, как я работаю не совсем легально. Можно было бы, и развернуться, но в нашем городе работать «без прикрытия» очень опасно. Сразу налетят бандитские орлы за подачу. Но с помощью Глеба зарабатывать на жизнь я могу относительно спокойно. Во всяком случае, не очень афишируя свою деятельность, средств остаётся нормально для существования и поездок «для души». В Москве и в Варшаве у меня тоже есть своя клиентура из Лёлиных

знакомых и из знакомых наших тётушек Халины и Ядвиги. По поводу своей работы стараюсь особо не распространяться. Времена сейчас тяжёлые страшные.

– Жанна! Тебя не узнать!

Жанна и раньше считала себя модницей. Всегда имела импортные шмотки, купленные на «толкучке» или в комиссионном магазине, яркий макияж, постоянно терпкий запах «Fidji» исходящий от неё, длинные ногти с ярким маникюром. Мы не виделись лет пять, шесть. И всё тот же одурманивающий запах «Fidji», пальцы унизанные множеством золотых колец, тот же маникюр и одета всё так же вызывающе-импортно «а-ля, я всё ещё девушка». Обтягивающие модные джинсы, топ, не скрывающий чуть мятой временем груди и модная короткая ветровка с яркой надписью во всю спину «Montano».

– Всё такая же молодая и модная, – слукавила я.

– Да, а что мне! Живу в своё удовольствие. Как вы? Как мама? Пошли ко мне я тебя хорошим кофе угощу и поболтаем. У меня теперь свой салон!

– Что ты говоришь?! Здорово! – искренне обрадовалась я новости.

Мы вышли на конечной остановке у Центрального рынка. Прямо посередине бывшего сквера стояли в два этажа синие импортные бытовки. Во всяком случае, похожие сооружения, такие я видела в Москве, приспособленные под разные фирмы-офисы.

– Вот мой салончик, – она открыла дверь павильона, на которой красовалось название – «У Жанны».

– Как тебе? – мы прошли через маленький тамбур и зал, где находились два рабочих места с зеркалами и креслами. Она открыла дверь в небольшую каморку, названную ею кабинетом.

– Сейчас я тебя угощу классным кофе, – на небольшом столе появились две чашки, растворимый кофе «Nescafe», сахар, – рассказывай! Облокотившись на стол и выставив напоказ своё глубокое «декольте», она стала с интересом задавать мне вопросы о родителях, обо мне, сестре.

– Лёлька в Москве уже давно, – ради уважения, к хозяйке я попробовала кисловатый напиток. Не будешь же хвастаться, что с некоторых пор привыкла к лоснящемуся от жира, пахучему натуральному кофе в зёрнах, а для подарков и своим близким привожу только растворимый «Карт нуар» или «Якобс».

– Знаешь, – продолжила я, – Лёлька сейчас не работает. Новый муж, новые заботы. В принципе всё хорошо, правда, небольшие трудности у неё появились. Вот не знаю, как ей помочь, – неожиданно для себя я выдала можно сказать семейную тайну.

– А что такое?

– На некоторое время им с мужем очень срочно понадобилась валюта. Не знаю, у кого занять? Я привыкла у Лёльки брать в долг, теперь ей срочно понадобилась большая сумма.

– Н-да, – задумчиво произнесла Жанна, – а сколько надо.

– Много! Тысяч десять – пятнадцать. Много, – я побоялась назвать большую сумму.

– Ну да, многовато, – задумчиво произнесла она, – слушай, возьми мой домашний номер телефона, – она протянула свою скромную визитную карточку, распечатанную на обыкновенном листе печатной бумаги, – позвони, вечером поговорим. Добро?

– Правда? У тебя есть валюта?

– Нет, у меня нет. Но есть человек, крыша моя, так сказать, у которого я могу её взять, естественно под проценты. Но он тебе сможет дать только под моё поручительство. Звони вечером, договоримся.

– Отлично, сейчас забегу на рынок и побегу домой. Надо ещё телефон оплатить, а то восьмёрку заблокируют, тогда к Лёльке не дозвонишься! Подключать, целая проблема.

– Не говори. Зачем тебе на рынок?

– Надо «Ножки Буша» купить. Времени мало, но придётся очередь отстоять.

- Проблему нашла. Сколько тебе надо?
- Да штуки четыре. Они же здоровые, как страусы.
- Пойдём, немного «сверху» дашь и в очереди стоять не надо.
- Мы вышли из салона, и пошли по направлению к ближайшему кафе.
- Зачем тебе это жирное безобразие нужно? Лучше мяса взять нормального.
- Где этого нормального найти? А мне надо сегодня Глеба накормить вкусно, чтобы добрее был.
- Что из этого старого жира сделать можно, – Жанна никак не могла успокоиться.
- Ты же знаешь мою маму. Она готовит из них такие котлетки «По-громовски», киевские рядом не стояли. Вкусно. Только Глеб меру им не знает.
- Твоя мама вообще кудесница. А печёт как! Я помню.
- Жанна заходит в кафе. Через некоторое время выходит с мужчиной армянином.
- Спасибо тебе Абрамчик.
- Жанна – Джан, для тебя дорогая, Луну с неба достану! А это что такой американский ляжка? В другой раз приходи, я тебе такого барашка дам, такую ляжку! Только в горах «бе» говорила, травку щипала, пальчики оближешь! И красавицу с собой приводи!
- Вот так Ника, слышала? Если что надо, всё достать можно, были бы деньги.
- Ну, спасибо тебе Жанночка, побегу.
- Наговорив друг другу кучу любезностей, мы распрощались до вечера.

Глава 2

Перестройка, как ни ругают её со всех сторон, мне помогла почувствовать себя относительно свободной. Наверное, свобода в полном смысле этого слова не такая как на Западе. Хотя откуда нам известно, как у них там на самом деле обстоят дела со свободой? Но для нас, затюканных в застойное советское время пустыми и бессмысленными лозунгами, глоток новизны в жизни тоже свобода.

Одно из «побед демократии» – это передвижение по приглашениям в страны Варшавского договора. Сколько людей ринулось из страны, как только приоткрылся «железный занавес». Меня всегда тянуло за порог СССР. И не по каким-то политическим соображениям или недовольству страной. А просто посмотреть, как там живут люди. Одно время, учась ещё в школе, я вела переписку с такими же школьниками из разных соцстран. Никогда не забуду пришедшую посылку из Югославии. В ней было полно всякой разной всячины. Для тринадцати моих лет что-то невообразимое, яркое, красивое. Главное в этой посылке были дедероновые чулки тельного цвета и модные комбинации с широкими плечиками! Это что-то! Ну, и всякое разное: жвачки в виде сигареток, белый пористый шоколад. Ко мне девчонки одноклассницы стайками приходили поглазеть на посылку «из-за границы» и попробовать пористый белый шоколад, которым я их угощала малюсенькими кусочками, чтобы попробовали все желающие.

Так вот свобода – свободой, но посещение ОВИРа это целая эпопея в картинках. Отстоять сумасшедшую по записи очередь для меня – уж лучше никуда не ехать. Без помощи Глеба я бы так и не ознакомилась с жизнью родственников за кордоном. Но с его помощью, у меня появилась Вика инспектор ОВИРа, которой я делаю стрижку и маникюр, а также снабжаю вещами и парфюмом из «Ревех». Поэтому с продлением визы, как и с приглашениями в Польшу у меня проблем нет. А вот теперь с помощью Жанны, можно будет и мяса нормального купить.

Но, несмотря на все негативные перемены, появившиеся с перестройкой, всё-таки спасибо Горбачёву! Вот новшество перестройки – «Жанна»! Надо же, наша Жанна – кооператор. Да и я могу работать, так как мне нравится, оплатив за лицензию некоторую сумму. Говорят, что скоро появится налоговая служба – тоже веяние Запада. Ну что же. Надо привыкать к цивилизации. Вот, узнали, что курицу можно приобретать по частям, в виде окорочков. Да ещё американским. «Второй фронт» шутят старички, выстаивая очереди за этим новшеством. Если появится такая возможность, то я у Альки обязательно спрошу: у них там, в Америке, куда он уехал после развода с Лёлей, случайно куры автомобиля не сбивают? Американцы сами-то едят то, что нам присылают?

Вот я и дома! Люблю свою небольшую квартирку. Всё моё детство прошло в этих стенах. Наверное, я, как и мой папа консерватор. Родители переехали в новый район на севере города, могла переехать и я с ними. Вместе получили бы квартиру большей площади, оставив эту. Но я решила остаться в нашей старой квартирке. Пусть небольшой, но такой милой и уютной, где на каждом сантиметре площади чувствуется тепло и частичка родительской души, а в каждом уголке комнаты, в каждой складке шторы на окнах прячется улыбка из моего детства. Да и жить вместе с родителями, тоже, как теперь говорят, не комифо.

Только я ступила на порог квартиры, затренькал телефон. Чувствуется, что Лёлька очень нервничает? И опять она ничего толком мне не объяснила. Видно действительно хорошо Анатолий влип, коль сестра в таком подавленном состоянии. Что же могло произойти?

Размышляя на эту тему, я разделала куриные окорочка. Дерьмо, конечно, эти «ножки Буша» но мама, выдумщица наша, любитель кулинарных экспериментов, столько придумала разных блюд из этого безобразия и научила меня им, что ничего, обходимся. Глеб очень любит «котлеты по-громовски». А что! Делать их пустяк, зато сытно и красиво на тарелке смотрятся. И что самое главное – их можно наделать впрок и заморозить. Потом при необходимости

жарить перед подачей на стол. Для таких кулинаров, как я, рецепт самый подходящий. Пока месила тесто, опять затренькал телефон. Просто невозможно! Этот звонарь всегда трезвонит не вовремя!

– Глеб? Что!

– Что, что?! Сама же просила узнать! Чего ты сердишься?

– Руки в муке! Узнал?

– Узнал. Есть на примете один кадр. Не по телефону. Но он пока не в городе. Приедет, поговорю с ним. Вечером, расскажу. А что ты мне готовишь на ужин?

– Приедешь – обрадуешься. Всё, давай, пока, – раздражённо ответила я.

– Вот так, делай после этого добрые дела! Ты чесночка, побольше и перчика. Всё, молчу. До вечера. Целую родная.

Меня накрывает раздражение, когда слышу такие заявочки: скажу не по телефону. Вот сейчас всё КГБ или кто там сидит на прослушке, да и сидит ли вообще, непременно будет подслушивать именно наш разговор. Что можно услышать в наше новое время? Всё тоже, что и на улице. Разговоры везде: в трамвае, на лавочках, в семьях одни и те же. Всё о курсе доллара, кто и по какой ставке меняет их. Да в каком магазине дают колбасу, а в каком выкидывают мясные кости.

Только я положила трубку на аппарат, раскатала тесто на одну котлетку, опять раздался звонок.

– Что ты будешь делать! Алло!

– Никусь ну что? – услышала я голос Жанны, – пятнадцать тысяч под десять процентов в месяц. Но отдавать каждый месяц в равных частях. Такие условия. И под расписку, – говорила Жанна серьёзным голосом.

– Жанночка я сейчас тебе перезвоню. Поговорю с Лёлькой, объясню ситуацию, – обрадовалась я решению проблемы.

Знала бы я тогда, что все мои проблемы только начинаются. Передав весь разговор с Жанной Лёле, и получив её согласие, я набрала номер телефона салона.

– Добро! Приезжай завтра часикам к двум, составим с тобой бумагу и получишь что хотела, – по-деловому отчеканила Жанна.

Только я успела сформировать остальные котлетки и подогреть подсолнечное масло для их жарки, пришёл Глеб.

– Как дела?

– Я завтра встречаюсь с нужным человеком. Она обещала помочь.

– А ты нужную сумму узнала у Лёльки? На какой срок, под какой процент? – спрашивал Глеб из ванны.

В новом импортном пенюаре я подошла к ванной.

– Глеб давай быстрее, ужин остывает. Подогревать не буду!

По телевизору идёт популярная передача «600 секунд». На читальном столике накрыт стол. Обёрнутые в тесто, румяные пожаренные во фритюре бывшие «Ножки Буша», распространяют по квартире аппетитный аромат чеснока, зелени и различных приправ.

Я протянула полотенце Глебу, но он схватил меня за руку и притянул к себе. Нашу страсть не смог удержать ни дождь тёплых струй воды, ни позже аромат вкусного ужина.

Позже, я рассказала Глебу о встрече с Жанной.

– Вот и хорошо. У знакомых всегда лучше. А то всякое бывает. Значит, я не замораживаюсь? – говорил Глеб, увлечённо поедая свои любимые колеты-пирожки.

Встав раньше обычного и проводив Глеба на работу, я спешно собиралась в дорогу. Размышляя о том, что же всё-таки могло случиться у Лёльки, я машинально складывала нужные вещи. Долго ли собраться человеку лёгкому на подъём? Привычка держать «походную сумку» в шкафчике, пришла с детства. Вот и сейчас, позвонив родителям и сказав им, что мне надо

срочно выехать в Москву поработать, получив от них кучу наставлений, я позвонила нашей родственнице работающей в аэропорту, чтобы та посадила меня на рейс до Москвы. Что в России можно сделать без знакомых и родственников?

Окинув взглядом на прощанье своё уютное гнёздышко, я присела в коридоре «на дорожку» и через минуту, взяв сумку с вещами, поехала к Жанне. Написав расписку на оговорённую сумму, указав их рублёвый эквивалент, прикинув, что для меня сумма долга неподъёмная, я успокоила себя тем, что у Анатолия большая адвокатская практика и богатая клиентура. Да и Лёля меня успокоила. Сумма конечно космическая, но раз Лёлька сказала, значит, она всё рассчитала. Деньги у них с Анатолием были всегда. Сложные ситуации встречаются у всех. Выкрутятся.

Глеб приехал в аэропорт, прочитал расписку и на «дорожку» я услышала о себе много нового, в том числе, что я идиотка, подписывающаяся под чужие долги да под кабальные проценты.

– Ты читала под, чем расписалась?

– Читала. Лёля сказала под любые проценты, лишь бы сегодня были деньги в Москве. Ты это понимаешь?

– Я понимаю только одно. Что я люблю идиотку. Ты понимаешь, что подписала неподъёмную сумму. И требовать возврат долга будут с тебя, а не с твоей сестры. Нет, это надо же! И наверняка свой немалый процент сюда включила эта подружка за то, что нашла такую дуру. Ты хотя бы понимаешь, что она развела тебя по полной программе?

– Не кричи на меня. Не я буду отдавать, а Анатолий, я буду только передавать. Ты это понимаешь?

– Ты видишь, что вокруг делается? За меньшие суммы люди пропадают. У нас отдел забит заявлениями о таких разводах и о пропажах людей, детей. Ты-то что делаешь?

– Глеб будь адекватен! Это моя сестра, она попросила о помощи. Они живы. Анатолий работает. Не переживай. Несмотря на мою неприязнь к Анатолию, он трудоголик. И этого не отнять! И потом, Ростов – не Москва. Это у нас тут бесконтрольный разгул бандитизма, а там всё под контролем. Всё, я минимум на три дня, успокойся, всё будет хорошо.

Но Глеб продолжал негодовать. А до меня никак не могло дойти, почему он так кричит?

– Сам идиот, – подумала я, но огорчать его этим не стала.

Из служебного помещения вышла давняя приятельница моих родителей, служащая аэропорта.

– Здравствуйте, мои дорогие. Глеб, Вероника, как родители?

– Хорошо. Передают вам привет, – чмокнула я её в щёку.

– Рейс задерживается. Вы сейчас погуляйте, регистрация на рейс пройдёт, я посажу тебя. Подходите сюда через часик, – обнадёжила она меня и скрылась за служебной дверью.

– Глеб мне надо позвонить по межгороду Лёле. Сказать, чтобы выезжали встречать меня. В Москве такие пробки на дорогах появились.

Мы прошли с ним к междугородным телефонным кабинкам, где, как обычно код Москвы был занят.

– Какой здесь межгород? Пошли со мной.

Мы вышли на улицу, и зашли в помещение отдела милиции аэропорта.

– Всем привет! Серёга, срочно в Москву надо позвонить, – обратился Глеб к мужчине за столом.

– Да какие проблемы? Как дела? Не на твоей земле мальчишку в Темернике нашли? Кинднеппинг? Озверели, сволочи. Отец и деньги им отдал.

– Нет, не на моей. Так они его сразу убили и концы в воду, а потом деньги стали требовать, – ответил ему Глеб.

– Насмотрятся видюшников, потом гангстеров из себя строят, – пока знакомый Глеба расспрашивал его об оперативных делах, мне удалось соединиться с Москвой.

– Аллю, Лёля! Анатолий? А Лёля где?

– Отошла. Как дела? – к моему удивлению трубку взял Анатолий.

– Я в аэропорту, скоро вылетаю.

– Вероника сумма мала надо в два раза больше, но я и за это так тебе благодарен! Я знаю, как ты ко мне осторожно относишься, но не переживай, твоя помощь будет оценена нами. Мы тебя не подведём. Мы ждём тебя, встретим в аэропорту.

Мы с Глебом вернулись к служебной двери аэропорта.

– Давай мириться. Я тебя очень прошу, раз уж летишь, то только туда и обратно, – наставлял меня Глеб перед посадкой в самолёт.

– Хорошо. Я буду звонить. Беги уже борись с криминалом. Очищай наш город от бандитского элемента. Но, пожалуйста, будь осторожен.

* * *

Жизнь покрутила Анатолия. В былые годы, ему легко удавался флирт с женским полом, который в некоторых случаях перерастал в бурный роман с хорошей финансовой поддержкой. Так, благодаря нескольким женщинам ему удалось безбедно окончить Киевский университет. Его не пугал возраст женщины, её непривлекательность. Главное её финансовое состояние. Получив юридическое образование, он переехал к новой возлюбленной сначала в Ялту. Потом был Ростов-на-Дону, так и добрался до Москвы, оставляя в каждом городе разбитое сердце бывшей, обедневшей с его помощью жены.

Настали новые времена новые возможности. Толик повзрослел. Вместо «сладкого мальчика» превратился в солидного поседевшего, немного полысевшего и пополневшего престижного в определённых кругах адвоката.

С некоторых пор в Москве его дела пошли не так, как он ожидал. Правильно говорят, что мечта не требует спешки. А Толик заспешил, очень заспешил, когда ему предложили приобрести небольшую, но прибыльную гостиницу в Чехии. Наплыв туристов и русских бизнесменов в виде «челноков» небывалый. Только собирай «капусту». Но, тут Лёля заартачилась.

Сначала он познакомился с подругой Лионеллы, судьёй Татьяной. Но быстро раскусив Анатолия, она выставила его ни с чем из своей квартиры. Да ещё, заметив влюблённость своей подруги, стала её предостерегать от неправильного шага. Но Толику удалось добиться своего. Лёлька поссорилась с Татьяной, развелась с мужем, свою дочь отправила к свекрови. Осталось сделать последний шаг – прописаться Анатолию в большой профессорской квартире. Но вот на этом всё и застопорилось.

– Лёля, я тебя не понимаю. Все женщины стремятся узаконить свои отношения с мужчинами, а ты наоборот. Мне приходится тебя уговаривать. Меня не устраивает такое положение.

– Меня тоже многое не устраивает в наших с тобой отношениях. Но я всё-таки, стараюсь тебе помочь. Но это последнее, что я для тебя делаю. Ника привозит деньги, и на этом мы с тобой ставим точку.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Что и так видно невооружённым глазом. Можешь переезжать к Сутейко, и больше не скрывать свои отношения с ней. И наконец, я освобожу себя от этой криминальной грязи, в которой, вы с ней, по уши увязли и втянули меня.

– Замолчи, в последний раз прошу тебя, замолчи и сделай так, как я тебе говорю!

– Что? Ты мне будешь приказывать, грязный, низкий адвокатишко! Какая я дура была! Господи! Я верила, любила тебя! А ты просто использовал меня! Тебе квартира нужна была?

Зачем? Продать? Только поэтому ты хочешь расписаться со мной? Сколько таких дур ты облапошил? Правильно Татьяна о тебе предупреждала меня!

– Успокойся, причём здесь Татьяна?

– Причём? Ты врал мне всё это время, что работаешь с ней. Специально нас рассорил, а на самом деле ты с этой Сутейко дела имеешь. Правильно, она такая же продажная, как и ты.

– Лёля я прошу тебя, успокойся, не истерии.

Анатолий схватил Лионеллу за плечи, но она резким движением отталкивает его от себя.

– Я сейчас же позвоню Нике. Не надо ей привозить никаких денег. Ты обыкновенный аферист и мошенник, если не сказать больше. Ты просто преступник!

Лёля потянулась за телефонной трубкой, чтобы набрать номер сестры и просить её не прилетать в Москву. Но Анатолий, стоящим на комод подсвечником ударил Лёлю по голове. Лёля упала на пол. Увидев кровь на полу, Анатолий запаниковал.

* * *

Как уже заведено в нашем ростовском аэропорту, да и в московском тоже, к трапу самолёта нас, пассажиров, как стадо баранов, ведёт одетая в форменное пальтишко женщина, служащая аэропорта. Около трапа все пассажиры должны ещё стоять энное количество времени, пока в салон не зайдёт экипаж. Всё это время пассажиры должны стоять на пронизывающем до костей ветру и ждать, когда молоденькая стюардесса, ёжившаяся на трапе, пропустит всех, проверяя у каждого пассажира наличие билета.

По своему заведенному правилу я всегда становлюсь, на приличном расстоянии от трапа, от массы толкающихся людей и жду, пока поднимется в салон последний пассажир. Понять никак не могу, почему люди такие вежливые в зале ожидания моментально звереют при посадке на лайнер? Вот этот мужчина, прорывающийся с портфелем вперед разве раньше меня прилетит? Почему нельзя пройти в салон так, как того требуют правила посадки и просят стюардессы? Почему надо молоденькой стюардессе напоминать взрослым дядям и тетям что пассажиры с детьми заходят в первую очередь? Без напоминаний это не ясно? Наверное, у некоторых людей есть дар читать по лицам. Догадываюсь, что мои мысли вышли погулять, потому что один мужчина, бегло окинув меня взглядом, что-то пробормотав, встал рядом со мной. Вот девушка в сапожках на высоких каблучках присоединилась к нам. Что делается! Юноша с яркой внешностью, в куртке «косухе» и наушниками от плеера в ушах, отсоединился от толпы и прямым ходом в нашу компанию! Да и впрямь положительный пример заразителен. Впрочем, как и бескультурие.

Что стало с людьми, некогда славившимися своей бескорыстностью, патриотизмом и добротой к ближнему своему? Бескультурие и жлобизм в одночасье накрыли нашу страну? Или раньше это было не так заметно?

Возможно, в былые не такие далёкие времена всех уравнивал средний заработок, средний достаток, среднее образование. Теперь, когда общество резко разделилось на группы по своему благосостоянию, наружу в изобилии вылезли какие-то монстры, готовые за достаток, неважно каким он размером, затоптать в себе ростки добра, порядочности, милосердия, брезгливости, в конце концов. Или это искривлённое изображение ложной демократии, которое нам предложили взамен настоящей свободы, отразилось как в кривом зеркале на нашем народе?

Быть первым, пусть не в жизни, не на работе, не в семье, но здесь и сейчас, в магазине, в трамвае, у трапа лайнера. На одну минуту, секунду почувствовать удовлетворение от того, что первым прошёл в салон самолёта, первым сел в автобус у окна. Обязательно у окна чтобы не дай Бог не пришлось уступить место женщине, старику или ребёнку. Выместить на ком-то своё зло в очереди в магазине, за проданный килограмм костей вместо мяса, отыгрываясь, таким образом, на постороннем человеке за полученные обиды от начальства на работе, от

склочной супруги дома. Больше взять «на халяву» хотя бы конфет, которые раздаёт стюардесса. Не удалось урвать по-крупному, так хотя бы здесь отыгаться. Взять столько, сколько сможет вместить твоя рука.

Впереди сидит прилично одетый солидный мужчина до этого так рьяно пробирающийся в салон самолёта. Взяв одну конфету тут же, пока поднос от его носа перемещался к соседу, взял ещё несколько леденцов. Нет, мало! На обратном пути подноса от соседа к проходу салона всей своей волосатой жменей зачерпнул как ковш экскаватора маленькие невзрачные конфеты и суетливо положил их в карман пиджака, рассыпая застрявшие между толстыми пальцами леденцы на пол салона.

– Мужчина кроме вас есть ещё пассажиры. Подумайте о них, – сделала ему замечание стюардесса.

Интересно для кого он так старается? Кого ими будет угощать? Детей, внуков, жену, любовницу? И думаю с чувством удовлетворения, что «урвал на халяву». Меня невольно одолел внутренний смех, видя картину бесплатного вливания им в себя газированной воды. Следом за первой стюардессой следует вторая со столиком на колесиках, на котором стоят бутылки с разными безалкогольными напитками. Она протягивает поднос с налитыми в стаканчики напитками мужчине. Он быстро берёт один стаканчик, вливает в себя его содержимое и тут же берёт следующий. Стюардесса стоит перед ним, пока он не опустошил все чашечки на небольшом подносе.

– Мужчина у нас туалет платный.

– Да? Стойте, стойте, а почему это он платный? – возмутился мужчина.

– Потому что напитки бесплатные. Да вы, мужчина не переживайте, он всё равно не работает, – с издёвкой ответила ему стюардесса.

– Безобразие. Видели? Сервис! Жаловаться на вас надо!

На пороге миллениума некоторые наши индивидуумы пребывают ещё в первобытном состоянии.

Глава 3

Мне кажется, наша страна стала ещё темнее грязнее сумрачней по сравнению с тем, какой она была при застое. Раньше относительно чистый аэропорт Внуково превратился в убежище непонятно откуда прилетевших странных людей. Кто-то сидит на полу, кто-то лежит тут же на раскладушках, а то и просто на разложенных газетах. Вокруг мусор, бумажки, тряпьё. Мрак. Свет в сердцах людей погас и темнота душ, отразилась на их лицах, поступках. Многоязычный говор. Бегающие, снующие всюду грязные дети с заискивающими и полными непонимания глазами. Столько всего изменилось, а атмосфера в столице лучше не стала. Да и в стране тоже. Не хочется думать об этом. Хочется оказаться у себя дома, в кресле с тёплым пледом и с чашкой горячего кофе.

В зале встречающих я увидела Анатолия.

– А где Лёля?

– Подожди! Пройдём в машину. Я всё объясню, – сумрачно ответил Анатолий.

Я заметила, что Толик, всегда державший позу преуспевающего уверенного в себе человека сейчас напротив, выглядел каким-то растерянным, поникшим.

– Дай, хорошая, на хлебушек, погадаю, всю правду тебе скажу. Испытание тебя ждёт, – странная цыганка, одетая в туркменское туникообразное платье с геометрическими рисунками, в широких шароварах, держала на руках спящего младенца. Вокруг неё увивалась кучка тощих и грязных с протянутыми руками детей, что-то постоянно просящих на своём непонятном языке.

Мы быстро сели в автомобиль, к которому сразу подскочило несколько бомжей, нищих детей, выпрашивающих милостыню.

– Давай отъедем от этого кошмара, – предложил Анатолий.

Он выехал на шоссе и остановил автомобиль у обочины.

– Ника ты привезла деньги?

Испытывая моё терпение, он долго пересчитывал доллары и с недовольным выражением лица положил их во внутренний карман ветровки.

– Ну, и... – не выдержала я.

– Ника только успокойся. Во-первых, эта сумма, конечно, мала. Нам надо в два раза больше, но я и за это так тебе благодарен! Повторюсь, я знаю, как ты ко мне осторожно относишься, поэтому твоя помощь будет оценена нами. Мы не подведём тебя.

– Я уже это слышала. Что, во-вторых? Объясни, наконец, что у вас произошло? Где Лёлька?

Анатолий завёл автомобиль, и он плавно влился в транспортный поток на шумном шоссе.

– Лёля пропала, – тихо ответил Анатолий.

От неожиданности я схватилась рукой за руль и машина чуть не слетела в кювет. Анатолию удалось вывернуть руль, и мы остановились на обочине.

– Ты что, с ума сошла?

– Это я с ума сошла? Твоя жена пропала, а ты так спокойно об этом говоришь? Мы вчера весь день с ней разговаривали, а сегодня она пропала?

Меня бросило в жар. Я почувствовала, как пожаром запылала щеки.

– Ты в милицию сообщал? Когда, как это могло произойти? – моему возмущению не было предела.

– Ника послушай меня. Я расскажу, ты не перебивай. Теперь всё будет хорошо. Я сейчас отвезу тебя, потом поеду, отдам им деньги и приеду с Лёлей домой.

– Что?! Ты хочешь сказать, что Лёлька в заложниках? И ты об этом так спокойно говоришь? Как это произошло? Почему в заложниках она, а не ты? Значит, влип в историю ты,

а в заложниках она? Ты в милицию звонил?! Мы сейчас приедем, и я позвоню Глебу, узнаю, что надо делать!

– Не надо никому звонить! Ты только навредишь! Лёля просила никому ничего не сообщать! Успокойся, я тебе всё расскажу.

Слушая Анатолия, я пребывала в какой-то прострации и никак не могла понять: верить ему или нет?

– Ты понимаешь, у Лёльки есть подруга, судья из райсуда. Она помогала некоторым людям через меня. Ну, ты меня понимаешь...

– Нет, я не понимаю, причём здесь Лёля?

– Короче. Лёлина подруга помогала в моей работе. Ты не возмущайся сейчас. Работа да, специфическая. Эта судья помогала некоторым людям избежать наказания, делала скидки по срокам. Тебе этого не надо знать. Как говорят, «меньше знаешь – крепче спишь», – сбивчиво мямлил Анатолий, – так вот, она сначала взялась за одно дело, а потом резко отказалась. Я ничего не мог сделать, заказчики поставили меня на «счётчик»! Поэтому мне срочно понадобились деньги. Взятый ею аванс судья вернула, но за неисполнение заказа поставили на «счётчик» меня. Ты понимаешь?! За каждый день, пока мы искали валюту, они начисляли проценты. Ты пойми, они приехали вчера ночью и не поверили, что все деньги будут сегодня, поэтому забрали Лёльку.

– Значит заказ? Значит, за неисполнение заказа забрали Лёльку? Счётчик говоришь? Значит, ты связан с криминалом, с бандитами?

– Вся страна криминальная! Ты осознаешь, в какое время мы живём?! Ты кроме маникюра и причёсок чем-то другим интересуешься? Это отморозки! Им убить, что плюнуть! – закричал на меня Анатолий.

– Как ты мог её подставить? Она же тебя любит! Как ты мог разрешить увезти её! – меня душили слёзы.

– Ника ты пойми. Я ничего не мог сделать. Этого человека привёл мой постоянный клиент. Да! Клиент! И не смотри так на меня! Этот клиент из очень влиятельной группировки, но всё было честно. Он просил через меня, ты пойми, я просто звено в этой цепи, он говорил, сколько, кому и насколько скостить срок или дать условно. А Татьяна, подруга Лёльки, переплачивала деньги тем судьям, кто занимался тем или иным процессом.

– Подкуп судей?! И Лёля была в курсе твоих дел? – спросил я с раздражением.

– Нет, что ты! Она даже не подозревала. Потом Борис – это человек от группировки, привёл Николая. Попросил помочь ему. Я без всякого, как по накату! Дело уже было в суде, надо было отдавать деньги Татьяне. Вдруг этот Николай приехал и стал сомневаться. Стал говорить, а что если судья обманет? Я мол, деньги отдам, а она ничего не сделает. Я ему объяснял, что всё будет в порядке. Он дал аванс и стал требовать, чтобы я свёл его лично с судьёй. Ты можешь это представить? Ты понимаешь, чем это могло закончиться?! Я не соглашался. Это чистая подстава! Но и сделать ничего не мог. Уговаривал его, объяснял, всё бестолку! Он обколотый наркоман! Борис тоже его уговаривал. Оказывается, он этого Николая свёл со мной в обход Прохора!

– Прохора? Ты связан с этим отморозком? Ты вообще соображаешь, куда ты нас всех втянул? Я далекая от этих ваших криминальных штучек, живя в Ростове и то, наслышана об этом отморозке Прохоре! Каждый день то по телеку, то в газетах: прохоровские – то, прохоровские это! Ты что сумасшедший?! Или за деньги всё, даже жизнь близкого человека можешь продать?

– Успокойся! Ты не понимаешь! Лёля ничего не знала. И не узнала бы ничего, если бы они не пришли к нам домой. Мы разговаривали при закрытых дверях. Но она подслушала. Я это понял, потому, что когда этот придурок, поднёс пистолет к моему виску, Лёля влетела в комнату и предложила сама отвезти Николая на встречу с судьёй. Я оказался в безвыходном

положении. Тебе не понять в какой вилке я оказался. Сама ситуация абсурдная – бандит требует личную встречу с судьёй?! Короче! Лёля поехала вчера с ним к Татьяне и назад не вернулась. Но я её предупреждал, чтобы она не делала этого, – произнося эту тираду, Анатолий нервно крутил в руках сигарету с зажигалкой, – теперь, этот обколотый наркоман Николай, требует назад деньги с процентами в обмен на Лёлю, – уже тихо закончил он свою речь, прикурив, наконец, сигарету.

– Какая ты сволочь! Ты понимаешь, какая ты сволочь?! Тебя надо немедленно в милицию определить, – я готова была убить негодяя.

– Милиция! Какая милиция? Сейчас не знаешь, кто хуже они или бандиты.

Всю дорогу до дома Лёли я не проронила ни слова потому, что на языке у меня вертелись только нецензурные слова в адрес этого человека, да и сестры. Как, как она могла поменять Альку на этого упыря? Предать свою первую любовь на что-то непонятное, склизкое, продажное.

Анатолий остановил автомобиль около Лёлиного дома.

– Жалко, что мало. Надо было в два раза больше, – с сожалением заявил он мне.

– Извини, больше не дали, – съязвила я. Он прочитал второй экземпляр расписки, написанный моей рукой для Жанны, и протянул её назад мне.

– Предельно понятно. Ты положи, пожалуйста, её на мой письменный стол. Вот ключи от квартиры, отдыхай, жди нас. Я постараюсь разрешить эту проблему и быстро вернуться. Всё будет хорошо.

Я поднялась на нужный этаж. Сердце словно сковало предчувствие чего-то страшного. Войдя в пустую квартиру, зажгла свет и обошла все комнаты. Тихо, чисто, одиноко. Вдруг зазвонил телефон, я кинулась к нему в надежде, что это Лёля.

– Алё! – я услышала тихий встревоженный голос мамы, – это ты, Никочка? Почему не звонишь? Мы с папой не в себе?

– Мамочка мы только вошли, – ответила я растерянно, – только разделись, всё хорошо. Долетела, доехала, завтра с утра по делам. Я буду звонить. Не переживайте.

– А как Лёлечка? Я вчера ей звонила, что-то её голос мне не понравился.

– У неё мигрень, она в ванной. Ничего, не переживай мамуль, спокойной ночи.

Я старалась говорить бодрым голосом, боясь раскрыть настоящее положение дел. Успокоив маму, я прошла в кухню и заварила себе кофе.

Пролетело ещё часа три. Ожидание становилось невыносимым. Закутавшись в Лёлькиный любимый мохеровый плед, я ходила как заводная из комнаты в комнату. Подождав ещё час, решила позвонить домой Глебу. К телефону никто не подходил. Спит, или дежурит? Скорее всего, он у меня. Знает, что я ему котлет наделала впрок! Пока они не закончатся, будет у меня жить. Обжора!

Я набрала свой домашний номер телефона и только минут через пять услышала сонный голос Глеба:

– Алё!

– Ты у меня?

– Ника это ты? Ещё позже не могла обо мне вспомнить?

– А самому позвонить? Как?

– А чего звонить? Думаю, чего я буду мешать вам? Не хотел отрывать тебя от общения с сестрой. Ладно, не сердись! Поздно приехал, думал, вы уже спите. Как долетела?

– Глеб Лёля пропала!

Расплакавшись, я рассказала всё то, что узнала от Анатолия. Глеб долго молчал. Потом, отошёл от аппарата, взял сигарету. Закурив, задумчиво проговорил:

– Сходи, посмотри, его вещи на месте?

– Чьи вещи? – удивилась я.

– Не мои же!

– Ты думаешь, и его похитили? – жар опять накрыл меня волной, я сбросила плед на пол и побежала в кабинет Анатолия. В шкафу лежали и висели вещи Анатолия. Я посмотрела внимательно на письменный стол, как всегда на нём был порядок. Открыла внутренние ящики – в них тоже лежали какие-то бумаги.

– Глеб всё как всегда. Все вещи сложены стопочками и аккуратно лежат на своих местах.

– Откуда ты знаешь как всегда? Ты что его вещи и раньше проверяла?

– Ты чего? Думай, что говоришь! – возмутилась я.

– Да я, в отличие от тебя думаю. Не верю я вашему Анатолию. Что-то всё это не чисто. Не верю я, что он поехал за Лёлей с неполной суммой выкупа. Эти люди по таким правилам не играют. От них даже если все деньги привезут, не факт, что живым уйдёшь, – задумчиво рассуждал Глеб.

– Ты в своём уме? Ты соображаешь что говоришь? – вспыхнула я.

– А ты немедленно возвращайся домой! Слышишь? Тебе нельзя оставаться в этой квартире! Вдруг и, правда, их похитили. Вдруг эти бандиты действительно существуют, и рассчитывали получить большую сумму. Неизвестно, что будет дальше. Если, правда – это люди группировки, то могут вернуться в любую минуту! Ника – это не шутки! Если это бандиты, они разбираться не будут кто ты и что ты! А то, что Анатолий барыга – это факт. Но не факт, что взяв деньги у тебя, он их отдал им. А если считать, что их обоих похитили, то так могли сделать только настоящие беспредельщики!

– Не кричи. Ты думаешь, о чём говоришь? Как я могу вернуться?

– Слушай, а где Наташа?

– Наташа уже давно живёт с мамой Алика. С первой свекровью Лёли. Не думаю, чтобы бандиты знали о существовании Лёлиной дочери.

– Ты меньше думай, делай, как я тебе говорю. Можешь прямо сейчас поехать к ним? А завтра, чтобы была в Ростове! Поняла?!

– Нет, я не поеду никуда, мне страшно выйти на улицу, ночь. Всё завтра. Всё Глеб, у меня голова гудит, давай до завтра.

Я не знала что делать, что предпринять. Пойти и сообщить в милицию? Глеб прав, скажут – уехали муж с женой, в конце концов, убежали в Украину, а мне не захотели докладывать. Трое суток не прошло, люди взрослые, должны денег. Конечно, разбираться им не досуг. Против Прохора ничего нет, да и в милиции у них, наверняка есть свои люди, раз даже судьи под их дудочку поют и пляшут.

– Всё! Всё завтра, – я открыла Лёлкин бар, где у неё всегда стоит «Otard».

– Лёлочка, объявись, сделай так, чтобы эта странная история закончилась, – приговаривала я, кутаясь в тёплый пушистый плед.

Меня не отпускал озноб. Неизвестность всегда пугает. Но когда в неизвестность уходит родной и близкий тебе человек, это очень страшно. Я сделала пару глотков коньяка, думая согреться и успокоиться. Но выпитый коньяк никакого действия не произвёл.

– Как так случилось, что наша Лёлька попала в эту беспредельную карусель? – думала я, лежа на диване. Что произошло?

Действительно, что произошло? Вариант первый. Поверим в то, что рассказал Анатолий. Тогда он должен был вернуться с Лёлей. Да нет, если они посчитали суму маленькой – будут держать обоих и требовать большего. Требовать у кого? По идее Глеб прав, они должны искать меня. А чего меня искать? Анатолий должен сказать, где я.

Второй вариант. Лёлька скрылась вместе со своим любимым переждать ситуацию. Тогда, она бы не рисковала мной. И я, передав деньги, тут же улетела бы обратно.

Третий и самый достоверный – Анатолий предал её! Оставил в заложниках у бандитов, а сам, прихватив деньги, скрылся.

Может и правда, её похитили? Ерунда какая-то. Зачем похищать, если знают, что денег за выкуп нет. А если деньги отдали, зачем им свидетели? Глеб, скорее всего, прав. Они беспредельщики. Одна пуля и все дела! Пуля? От страшного предположения меня затрясло. Господи, их могли похитить, завезти в лес и убить. Лесов вокруг Москвы, не счесть. И не найдёт никто. А сейчас могут приехать и за мной.

Я так и не уснула, ёжась от озноба и боясь встать и включить свет. Чуть посветлело за окном, когда раздался телефонный звонок. От неожиданности, меня затрясло. Звонила мама. Правильно говорят, материнское сердце не обманешь.

– У вас всё хорошо? – первым делом спросила меня она.

– Не совсем. Но всё обошлось, не переживай.

– Что! Что случилось? Где Лёля? – тихо спрашивала она, словно что-то почувствовал.

– Она... мамочка, не переживай, она... её вчера увезла скорая в больницу, – сорвалось у меня с языка.

– Как? Почему? Я чувствовала, я так и знала, – запричитала бедная мама, – мне, наверное, надо приехать? Что с ней?

– Гипертонический криз, – сказала я, первое, что пришло в голову, – мама, что ты выдумываешь! Куда и зачем ты приедешь, чтобы самой свалиться? Я здесь для чего?

– А, как, где Наталочка?

– Она с Аллой Константиновной, ты что забыла? Сегодня я поеду к ним, и пока Лёля будет в больнице поживу с ними.

– Почему?

– Мама мне неудобно смущать Анатолия. Да и за Наташкой соскучилась, и Алле Константиновне помогу. Не переживай. Я тебе буду звонить.

– Хорошо, звони мне, девочка. Сон страшный мне приснился. Прямо в себя прийти не могу.

От таких снов, какие нам с мамой снятся, можно запросто на том свете очутиться. Как я вовремя сориентировалась? Надо же, и не думала, что могу так мастерски сочинять. Но маме нельзя знать всей правды. Надо отойти от ночи, взять себя в руки и подумать, что делать дальше. Раздевшись, я пошла в душ, привела себя порядок, решив, что мне придётся задержаться в Москве не на три дня, я залезла в гардероб сестры, взяла некоторые подходящие мне вещи. В Москве мне всегда холодно. Посмотрев всё ли в порядке в квартире, я плотно закрыла окна. Вернулась в комнату Лёли и в ящике её трюмо нашла записную книжку и её паспорт.

– Паспорт пусть будет у меня.

Бегло пролистав страницы записной книжки, я нашла телефон Татьяны.

– Это уже что-то. Лишь бы это была та Татьяна, которая мне нужна, – подумала я и вышла из квартиры.

На улице я присела на лавочку возле следующего подъезда. Нагнулась, чтобы поправить молнию на сапоге и увидела, как около нашего подъезда остановилась большая чёрная импортная машина. Из неё выскочил молодой парень и быстро проскочил в подъезд. Какое-то предчувствие подсказало мне, что это приехали по душу Анатолия или меня. Краем глаза я увидела номер автомобиля. Раскрыв свою сумочку, я сделала вид, что мне совсем нет дела, кто и зачем подъехал к дому. Стараясь не привлекать к себе внимания, я копалась в сумочке, про себя повторяя номер автомобиля, боясь забыть его. Через несколько минут из подъезда вышел тот же молодой человек и, остановившись около машины, сказал сидящему за рулём мужчине:

– Пусто! Никого нет. Он гад, даже все свои шмотки оставил! Они наверняка в Украину подались. Он же хохол, я говорил.

Парень быстро запрыгнул в машину, и та рванула с места. Не поняла. Я прекрасно слышала, как он сказал, что они, да именно – они, а не он, подались в Украину. Ничего не понимаю. Может быть, у Толика любовница была, и бандиты имели в виду её? Потому что если

бы Лёля уехала с Анатолием, зачем бы он меня обманывал и говорил, что Лёлю похитили? Неужели Лёлька так испугалась, что решила скрыть свой отъезд в Украину с Анатолием? Нет, она не могла! Ладно. По любому одной оставаться здесь страшно.

Записав номер автомобиля, я поднялась на этаж, зашла в квартиру проверить всё ли на месте. Вдруг зазвонил телефон. Я стояла около аппарата, боясь снять трубку пока он не перестал трезвонить. Через некоторое время опять раздался звонок. И опять я стояла как вкопанная, не решаясь снять трубку с аппарата. Когда телефонная трель умолкла, я набрала рабочий номер Глеба.

– Слава Богу! – услышала я его голос, – наконец! Ты что думаешь, Ника! Я чуть с ума не сошёл.

– Чего ты нервничаешь? Я боялась снять трубку. Только что здесь, как мне кажется, были бандиты. Один поднялся в квартиру и что-то искал, всё перевернул верх дном. Когда успел? – спокойно отвечала я ему.

– У тебя всё в порядке? Ты чего говоришь? – забеспокоился Глеб, – ничего не трогай, не убирай вещи. Они ещё могут вернуться, догадаются, что ты в Москве. Ты когда собираешься назад?

Объяснив ему, что пока не найду Лёлю, я не вернусь, я продиктовала ему, номер телефона по которому буду находиться. Закончив разговор с Глебом, я набрала номер Татьяны, из записной книжки Лёли.

– Я вас слушаю, – ответил мне женский голос.

– Меня зовут Вероника, я сестра Лионеллы.

– Чем обязана? – спросила она изменившимся голосом.

– Вы работаете в суде? – глупее вопроса я не могла придумать.

– Да, я судья. До свидания и больше мне не звоните, – раздражённо ответила Татьяна.

– Подождите, прошу вас! Вы, возможно, знаете, где может находиться Лионелла?

– Нет, не знаю. И знать не желаю, – на том конце провода положили трубку.

– Узнаешь, ещё как узнаешь, – подумала я, со злостью закрыв за собой дверь. Выйдя на улицу, я поспешила в сторону метро.

Глава 4

Мне кажется, каждый город имеет свой неповторимый запах. Возможно, это мои фантазии но, выходя на перрон вокзала или спускаясь с трапа самолёта в любом городе, где удалось мне побывать, включая родной Ростов и не менее обожаемую Варшаву, я ощущаю его неповторимый запах. Также как обладатель духов не сможет точно разложить понравившийся ему аромат на его составляющие, так и приезжий не сможет разобрать, из чего состоит запах города, в который он прибыл. Это знают только сами жители своего любимого города.

Ростов раньше имел несколько ароматов. Мне всегда казалось, что район старой Нахичевани, это старейший район города, окутан ароматом цветущей акации смешанным с терпким запахом виноградных зарослей «Изабеллы» обвивающей террасы и веранды старых домов, кустов сирени, аромата цветущих клумб и запаха реки, который добавляет в рецептуру запаха свой неповторимый штрих.

А вот рецептура воздуха на нашем посёлке Чкалова другая. Это запах цветущих фруктовых деревьев: яблонь, слив, абрикосов, вишни, шелковицы – тютюны, как её называют южане, растущих почти в каждом дворе. Нагревшимся на солнце битумом, который в моём детстве лежал большими чёрными глыбами на улицах и ждал, когда его растопят и начнут поливать прохудившуюся толь на наших двух и трёх этажных домах. Запах пыли и плавившегося от жары свежееуложенного асфальта, которым постилают дорожки, ведущие к нашим домам. Это чуть уловимый аромат цветущих деревьев дикой абрикосы, кустов акации, который лёгкий ветерок доносил с близлежащих рощ, окутавших наш посёлок.

Память удерживает сказочные ароматы, которых нет в более новых и современных районах города. Скорее всего, это ощущение детства, которое я испытываю, приезжая на свои любимые улочки – Линии в Нахичевани, ведущие вниз к Левому берегу Дона, где я была рождена. Ароматы детства, которые сохранились до наших дней, но уже так слабо витают вокруг нынешнего моего жилища.

Раньше, в те уже далёкие школьные времена, когда Лёлька оказалась в Москве, и я частенько приезжала к ней на каникулы, кстати, разница между нами составляет почти десять лет, так вот, в те времена Москва имела неповторимый запах. Ступая на перрон и глаза на фасад Казанского вокзала, я всеми фибрами ощущала этот запах и понимала – я в Москве! Попадая в метро, от увиденного вокруг меня охватывал трепет и волнение. Гуляя с сестрой по московским улицам, центру столицы, я ощущала – это Москва!

Что с тобой стало бедная наша столица?! Через неполные десять лет мы вступим в новое тысячелетие. А Москва, впрочем, как и вся страна, идёт не вперёд к «светлой жизни», а семимильными шагами топает в неизвестность, постепенно превращаясь из некогда культурного, театрального, научно-студенческого престижного города в общероссийский базар с его первобытными законами и правилами.

Около метро стихийные рынки, толчея. Всюду лохотронщики. Вечные лужи из смрадной жижи и грязь кругом. Куда не бросишь взгляд везде нищие. В переходах, подъездах отвратительно мерзко несёт мочой. Темнота и чернота вокруг. В метро шумно, душно, противно и страшно.

Доехав до станции метро «Войковская» я буквально бежала до дома Аллы Константиновны. Так хотелось спрятаться за дверьми квартиры от угнетающей действительности. Добежав до подъезда, я с удивлением увидела новшество. На дверях кодовый замок. На счастье из подъезда вышла дама с собачкой. Женщина подозрительно посмотрела на меня, но все же пропустила в свою родную обитель.

– Вероника?! – удивилась и обрадовалась Алла Константиновна, – а где Лёля? Она на днях нам звонила, мне не понравился её голос. С ней всё в порядке?

Узнав, что Наташа ещё в школе, я прошла на кухню. Алла Константиновна сразу стала меня потчевать прозрачным, изумительно пахнущим куриным бульоном. Она приправила его рубленой зеленью и сваренным вкрутую яйцом. На столе горкой стояли специально испечённые к бульону воздушные пирожки с нежной начинкой из птичьей печени. Налив бульон, как я люблю в предназначенную для этого чашку на большом блюде, она села рядом со мной.

– Как вы любите, Алла Константиновна, что бы и желудок и глаз одновременно радовался! – похвалила я хозяйку за так вовремя поданный бульон. Потому, что ничего кроме правильно сваренного бульона не приводит мой организм в норму после любого стресса или нервозности.

Алла Константиновна, мать Алика и бывшая свекровь Лёли так и осталась в очень хороших отношениях с моими родителями. Лёлька её любит и уважает. Наташа – боготворит. Алла Константиновна до развода ребят жила одна. Её муж в далёких семидесятых уехал на какую-то научную конференцию во Францию, и не вернулся назад, доставив немало хлопот её отцу академику. Да и ей досталось. Переводчица в Интуристе и муж невозвращенец – это несовместимо. Поэтому ей пришлось заняться преподаванием и репетиторством. Мне очень симпатична Алла Константиновна. Я никогда её не видела в домашнем халате. Всегда с подтянутой фигурой, с самого утра с уже уложенной причёской. Своей добротой, гостеприимством и отзывчивостью к бедам других, она мне напоминала маму.

После того, как Лёля вскоре после развода стала жить с Анатолием, а Алик уехал в Штаты, их дочь Наташа переехала к Алле Константиновне. Мне жаль было тогда, да и сейчас Альку. Он очень любил, я больше чем уверена и продолжает любить Лёлю. Конечно, в материальном плане ей было труднее с Аликом, чем с Анатолием. Не думаю, что из-за этого она развелась с мужем. Трудности её никогда не пугали. Но что-то связало этих разных людей: мою сестру и Анатолия. Вероятно то, что мне не подвластно понять.

Нынешние времена вытеснили сначала из стен институтов и лабораторий, а потом вообще из жизни страны умных талантливых людей как Алик. Внук ученого, академика, он не был занудой, каким иногда показывают людей науки в фильмах. Бесшабашный или как Лёлька его называла – бес башенный, обожающий джаз, Ильфа и Петрова, которых постоянно цитировал, он хотел жить, так, как постоянно говорил Лёле – «незаморачиваясь». Но так жить, имея семью тяжело. Это даже я понимала. С рождением Наташи появились трудности. А уж с наступлением перестройки...

Похоронив деда, сердце которого не выдержало коллизий нового времени, а потом и любимую бабушку, Алик так и не смог приспособиться к нынешним бандитским условиям жизни. А когда границы страны приоткрылись, он с такими же бедными но умными укатил в Штаты. И ничего – прижился, не потерялся и не бедствует. Лёльку с дочкой всё к себе зовёт. Но у нашей Лёлечки – любовь. Куда там! Алька, Алька, плохо, что ты в такой далёкой Атланте!

Задав мне множество вопросов, и внимательно слушая ответы о здоровье моих родителей, об отношениях с Глебом, Алла Константиновна неожиданно прервала мой рассказ.

– Ладно, это всё хорошо. А теперь говори начистоту, что случилось? Я же вижу, что-то стряслось. Её бросил этот скользкий тип? Давай подробно, пока Наташа не вернулась из школы.

Пока я сбивчиво рассказывала о происшедшем, Алла Константиновна, молча, курила сигарету, за сигаретой.

– Что будем делать? – спросила она, когда я закончила свой рассказ.

– Думаю, мерзавец оставил Лёльку у этих чудовищ. Буду её искать.

– Как ты собираешься это делать?

– Завтра поеду в суд, постараюсь добиться разговора с Татьяной. Она должна мне всё рассказать.

– Должна, то она должна, но будет ли? С ней надо быть осторожней, хотя нас Лёля знакомила, они очень были дружны в своё время, – задумчиво сказала Алла Константиновна, –

тогда Татьяна, мне показалась порядочным и ответственным человеком. Но вообще, Ника, тебе возвращаться в Лёлину квартиру нельзя! Поживёшь в комнате Алика.

– Я сама хотела просить вас об этом, – ответила я, обнимая её.

– Никочка, вы с Лёлей для меня, родные. У меня же кроме Альки, вас с Наташкой, да ваших родителей никого больше и нет. Я иногда думаю, почему Лёля ушла с этим Анатолием? Они ведь с Алькой так любили друг друга.

– Она побоялась, что Алик останется в Штатах навсегда.

– А! Хочешь сказать, что она побоялась повторить мою судьбу? Что Алик, как его папочка уедет и останется в этих чёртовых Штатах?

– Возможно, не хотела мешать ему там, в достижении его цели?

– Это же чушь! Ты хочешь сказать, что мой сын карьерист? Это отец Алика, этот... невозвращенец, которому и здесь не кисло было, невзирая на карьеру моего отца академика, на мою карьеру переводчицы, тогда в семидесятые, записался в диссиденты, лишь бы устроиться помягче там! И кем он там стал? Ради чего, не выдержав травли, умер мой отец, а следом и мать? А Алька? Он убежал от обиды. От раны нанесённой Леонеллой. От непонимания того, что вокруг происходит. Ему тогда требовалась работа, работа и ещё раз работа. А его в институте сократили как обыкновенного лаборанта. Но, несмотря ни на что он мне говорил – одно её слово и он остался бы!

– Алла Константиновна, не переживайте так, – я не знала, как утешить близкого мне человека, – мне кажется, что Лёля давно пожалела о своём поступке. Она всё время вспоминает Алика.

На следующий день, я напросилась проводить Наташу в школу.

– Алла Константиновна, что вы так переживаете? Школа рядом, Наташа уже выросла, невеста совсем.

– Никочка поэтому и провожаю и встречаю. Ладно, тебе всё равно по дороге. Только обязательно заведи её в школу самолично!

Школа, в которой учится Наташа, находится в двух кварталах от дома.

– Что стесняешься бабушки? – спросила я Наташу.

– А как ты думаешь? Я уже в шестой класс хожу, а бабушка всё за ручку меня водит.

– Не обижайся на неё. Она тебя очень любит, поэтому переживает. Сейчас взрослым страшно поодиночке ходить, а детям тем более.

– Да я понимаю. У нас в классе в прошлой четверти девочку украли. Она из школы вышла, а домой не пришла.

– Да ты что? Нашли?

– Нашли. Изнасилованную и убитую.

– А тех, кто это сделал, задержали?

– Да. Они выкуп просили. У Наташи папа был кооператором. Но у него денег не хватило. Он повесился. Теперь бабушка боится за меня. Вдруг узнают, что мой папа в Америке живёт. Подумают, что денег много.

– Да, закошмарили страну. Какой ужас. Наташка, ты на бабушку не обижайся. Ничего, походи ещё за ручку с ней. Всё же спокойней будет. Хоть бы отец твой вернулся из этой Америки.

Наташа чмокнула меня в щёку и забежала в здание школы.

В районном суде на вывешенном списке судей при входе в старое сто лет не отремонтированное здание я нашла фамилию с инициалами Т. В.

– Будем думать, что это она и есть Панкратова Татьяна Витольдовна. Надеюсь, что «Т» это не Тамара.

Уверенной походкой я вошла в фойе суда. Дежурный милиционер даже не поинтересовался к кому и куда я иду. Равнодушно взглянув на меня, уткнулся в раскрытую газету с кросс-

вордом. Открыв дверь зала заседаний, я заглянула внутрь. В глубине зала была приоткрыта дверь в кабинет судьи. Заглянув, я увидела сидевшую за столом миловидную женщину. Она что-то писала.

– Извините... – тихо сказала я, – женщина, бегло взглянув на меня, махнула головой в сторону стула, – садитесь.

– Мне нужна..., – я не успела сформулировать фразу как она, перебив меня, спросила.

– Вы Ника сестра Лёли? Не удивляйтесь, я видела вас на фото. С Лёлей мы знакомы не один год. Я сейчас не могу с вами долго разговаривать. У меня скоро начнётся заседание. Если хотите, посидите здесь в зале. Но я освобожусь **нескоро**, потом перерыв сорок минут и следующее заседание. Скажите мне коротко. Лёля пропала или она всё-таки уехала с мужем?

Я ей вкратце изложила последние события.

– Понятно, – Татьяна задумчиво кивнула головой, – аферист и мошенник. Нет, меня с ним ничего не связывало. Когда Лёля приехала с этим отморозком...

– Николаем? – перебила я её.

– Возможно. Так вот, она его оставила внизу у подъезда в машине, сама поднялась ко мне. Лёля стала меня обвинять в том, чего я не совершала. Мы, конечно, повздорили и, я ей сказала, что пока она живёт с этим типом, я не хочу с ней иметь никаких дел. Естественно я не выходила на улицу, чтобы встретиться с этим уголовником и у неё ничего не брала. Почему Анатолий сказал, что был связан со мной, для меня предельно ясно.

– Татьяна Витольдовна вы заняты? – в дверях появилась женщина, одетая в чёрную длинную судейскую мантию, – извините, вы заняты, я позже к вам зайду, – она с любопытством посмотрела на меня и вышла из кабинета.

– Кажется, я догадываюсь, с кем был связан Анатолий, – тихо и задумчиво произнесла Татьяна, – давайте так, сегодня я до вечера в суде. Позвоните мне завтра с утра, часиков в десять, мы определимся, где и когда встретимся. Хорошо?

Выйдя из здания суда, я побрела до метро, думая, что возможно при участии Татьяны мне быстрее удастся найти Лёлю.

Глава 5

Весна в Москве. Середина апреля. У нас в Ростове солнышко светит и греет, тепло. А Москва окутана туманом. Не весна, а настоящая осень. Пахнет не распускающеюся зеленью, а прелыми листьями. Дождь то моросит, то опять выглянет солнце и тогда веселее становится на душе. Но хотя сегодня погожий день меня он совсем не радует.

Спустившись в метро, я решила съездить на Чистопрудный бульвар в недавно открытый кафетерий. В прошлый свой приезд я покупала там молотый кофе. Очень даже приличный. Заодно пройти по осенней кленовой аллее, хотя бы почувствовать, что нахожусь в Москве. Купив кофе, прогулявшись по бульвару до пруда, я присела на лавочке напротив театра «Современник». Молодая девушка с украинским говором громко зазывала покупать у неё мороженное.

– Покупаем, покупаем мороженное! У нас самое вкусное мороженное в Москве! Фруктовое, шоколадное, эскимо! У нас самое необыкновенное мороженное, пожалуйста, кушайте на здоровье, пломбир, крем-брюле, эскимо, шоколадное! Покупайте, кушайте на здоровье, от нашего мороженного горло не болит! Попробуйте: пломбир, крем-брюле, эскимо, шоколадное!

Удержаться от таких призывов не возможно. Купив шарик любимого фруктового, я присела на каменную скамейку около памятника Грибоедову. Правду говорят, что сладкое поднимает настроение. Но возможно доброжелательность этой приезжей с Украины продавщицы сыграло свою успокоительную роль. Я подставила лицо тёплым солнечным лучам и закрыла глаза.

– Сестричка дай денежек, сколько не жалко! – мою нирвану прервал чей-то голос. Очнувшись, я увидела женщину с помятым лицом, но ещё не до конца обезображенным уличным стилем жизни. Одета она была, скорее всего, из гуманитарки, щедро раздаваемой разными благотворительными организациями бомжам, но опрятно. Белые чистые кроссовки. Следит за обувью, значит, ещё не совсем опустилась на самое дно новой жизни. Видно, что-то прочитав в моих глазах, незнакомка опять обратилась ко мне:

– Не дашь, не обижусь! Нет, так нет! Просто так пивка хочется, а денег не хватает.

– Я тебе больше дам, ты только не пей, поешь лучше, – ответила я, вытаскивая из кошелька бумажную купюру.

– А вот это тебя не касается, – сердито ответила женщина. Но бумажку взяла.

– Спасибо, сестра, даёшь больше, отказываться не буду, но пить мне или не пить, тебя не касается!

Я уже не рада была, что вступила с ней в диалог. Видно, свою боль или дурость она не совсем ещё залила выпивкой. Не успела деградировать полностью. Женщина отошла от меня, потом тут же вернулась.

– Прошу прощения, сестричка, ты мне денег дала как?

– Не поняла?

– Ну, ты мне от себя дала деньги?

– То есть?

– От сердца?

– Как тебя зовут? – спросила я женщину.

– Светка, а тебя?

– Вера, – почему-то я назвалась ей второй половинкой своего имени, – Конечно Света, от сердца, но не от души. Могу и больше дать, только не на выпивку.

– А я тебе говорю, это не твоё дело!

На нас уже стали обращать внимание отдыхающие на скамейке люди. Я, честно говоря, испугалась, что буду бита, с такой агрессией Света мне это говорила.

– Ладно, Свет, давай без выяснений. Дала и всё. Иди.

– Нет, если ты дала без удовольствия, я могу и не брать твои деньги.

– Перестань. Успокойся. От себя я даю.

– Всё, спасибо дорогая, ухожу, сейчас еще стрельну у кого-нибудь, и выпью за твоё здоровье!

И тут же она подошла к сидящему рядом мужчине преклонного возраста. Не знаю, какой он был национальности, но на русского явно не походил. Полный, скорее толстый с одышкой мужчина брезгливо смотрел на Светку.

– Дядечка будь добреньки, дай, сколько можешь!

– Пшла отсюда! – прошипел мужчина.

– Что такое «пшла»? – возмутилась Света, – я вам не нагрубила, не оскорбила вас. Не хотите, не давайте!

– Пшла сказал, отсюда, мразь!

– Чем это я мразь? И почему вы меня оскорбляете? – разозлилась Светка.

– Свет отойди, не приставай! Ступай себе! – миролюбиво, желая разрядить обстановку, попросила я её.

– Нет, Вер! А чего он? Мразь! Чем это я мразь-то? Я его что, оскорбила? Чего он моё достоинство задевает?

– Нечего разговаривать тут, пошла отсюда. Дос-инст-во! – проворчал мужчина.

– А вот и не уйду! – на удивление спокойно ответила Света, – извините, это ваше? – она взяла в руки оставленный кем-то на лавке полупустой пакет с чипсами. Мужчина брезгливо отодвинулся от него.

– Понятно! Не ваш! Вер, это не твой? Можно взять? У нас демократия. Где хочу там и сижу. Ля-ля, – стала напевать Светлана в то же время нарочито громко хрустя чипсами.

– И чего это я мразь? Я такой же человек. Да, не повезло в жизни. Не ваше дело! Хочу, сижу, хочу, пою. Хочу вот, чипсы ем!

Встать и уйти было неловко. Но слышать этот треск чипсов! Мне, с детства не переносящей ни малейшего звука за столом, было невыносимо.

– Света, зачем ты с ним споришь, не раздражай мужчину, не надо!

– Ладно, ладно, я пойду! – она положила, наконец, ненавистный мне пакет с хрустящими кусочками прессованного картофельного крахмала на скамейку.

– А вы дядечка, не правы! Нельзя так с людьми! Не принимаете и не надо, но не унижайте. Мы и сами с усами.

Мужчина повернулся в сторону уходящей Светы и, обращаясь ко мне, с вызовом произнес с явным кавказским акцентом.

– Это вы во всём виноваты! Добренькие! Зачем вы им подаёте? Бездомную собаку если кормить, она и то обнаглеет. Такие сами себе должны пропитание искать! Они хуже собак! А вы сердобольные, балуете!

Его грозная тирада, наверное, не прекратилась бы, если бы я ему тихо не возразила.

– Вероятно, вы правы. Но, возможно и нет.

Он зло посмотрел на меня и махнул рукой. Что-то, пробормотав на своём языке, презрительно отвернулся от меня. Я медленно шла к метро, а за спиной остался мой любимый Чистопрудный бульвар со своей бурной жизнью. С внушительным своей мраморной статью Грибоедовым, которого я уважаю за его романтическую любовь к своей Нине. С каменными скамейками. С грохочущим по рельсам трамваем «Аннушкой» и людьми здесь обитающими. Разными людьми.

С ужасом и страхом я каждый раз вхожу в метро. В вестибюле сразу в глаза бросилась картина. Два милиционера ни на кого, не обращая внимания, избивают резиновыми палками какого-то немисливо грязного старого с непонятной бородой человека. Он, сидя на мокром

полу, защищал от ударов голову руками со страшно длинными скрюченными ногтями на пальцах.

– Что вы делаете? – крикнула я им.

– Правильно, гнать их всех надо! Не метро стало, а общественный туалет. Метро в ночлежку превратили. В вагон нельзя войти! Разлягутся и спят на сидениях, как дома. Гоните их отсюда! – напротив меня остановилась пожилая женщина с сумкой на колёсиках.

– Так, что бить надо? Что с вами со всеми стало? – моё горло сдавили спазмы.

– Что, умная слишком? Иди куда шла! – зло, сверкая глазами, ответил мне молодой милиционер.

– Жаловаться на вас надо! Он же старый человек, какой пример вы детям показываете? У меня ребёнок аж затрясся весь! С ума уже совсем сошли! – к нам подошла молодая женщина, держащая за руку мальчика лет шести.

Милиционеры подняли старика и потащили его к выходу из метро.

– Сталина на вас на всех нет! Сразу бы порядок навёл! – пробурчала пожилая женщина с сумкой на колёсиках и влилась в поток всё куда-то спешащих людей.

Я не могу смотреть в глаза, полные беспомощности и непонимания. Затравленный взгляд у многих таких же, скорее всего по своей воле и прихоти, упавших в страшную жизненную пропасть людей, заполонивших улицы и вокзалы Москвы, вызывает у меня боль, страх и жалость одновременно. А жестокость, непонимание и безразличие вокруг – недоумение. Что с нами со всеми стало?

– И я такая же! Я как многие из этих пробегающих мимо людей, прячу глаза, отвожу взор, прохожу, пробегаю мимо этих уродов в милицейской форме, мимо беспомощных стариков, мимо одиноких малышей с протянутой рукой. Я одна из них, потому, что ничего не могу, не знаю как, а может, подсознательно не желаю что-то сделать для этих потерянных людей, – размышляла я, стоя в вагоне метро.

Час пик. Толчея страшная. Люди спешат, торопятся, бегут, влезают в вагон, раздвигая руками закрывающиеся двери. Им бы быстрее попасть домой в свой пусть маленький, но закрытый от всех мирок. Где чисто, тихо и спокойно. Где всё принадлежит тебе. Пусть не острова в океане, не вилла в Монако, а старенькое, но удобное кресло. На него почти никогда не садятся дети – это папино кресло. Где жена, услужливо кладёт газету рядом с тарелкой вкусного борща, где можно полужёжа на своём любимом диване, и накрыв лицо всё той же своей газетой, в полудрёме слушать последние и такие криминальные новости, происходящие в разрушающейся и вечно кем-то обворованной, но своей стране.

– Подайте тётенька на пропитание! Мамка спилась, папка умер, кушать хочется! Мы с братом не ели три дня. Подайте тётенька денежку, – из тяжёлых раздумий меня вывел тоненький голосок белобрысого мальчугана.

Он стоял с протянутой грязной рукой и жалобно моргал длиннющими ресницами. К нему пробирався такой же мальчик с кепкой для подаяний в руках. Казалось, что они братья. Я почувствовала, что мои нервы на пределе. Сдерживая слёзы, глотая ком, который подкатил к горлу не давая вздохнуть, я положила в грязную кепку деньги. Двери открылись. Толпа вынесла меня вместе с мальчиками на платформу. Ребята, прошмыгнув между топящимися людьми, заскочили в следующий вагон состава. Глаза белобрысого славного мальчугана так и остались в моей памяти.

Поднявшись по лестнице для перехода с кольцевой линии на радиальную и уже еле передвигаясь по длинному переходу, соединяющему две станции я услышала звуки скрипки. Музыкант выводил берущие за душу звуки знаменитой мелодии «Колыбельной» из «Порги и Бесс» Гершвина. Несмотря на толчею и беготню вокруг, парень моих лет, стоял и выводил эту сладостную мелодию. Люди подходили и кто с удивлением, кто с восхищением, а кто с усталым взглядом останавливался и слушал. Видно было – грустно всем, сейчас каждый думает о своём.

Что-то вспоминает. Вокруг музыканта образовалось кольцо слушающих его людей. Я невольно остановилась поодаль, достала носовой платок, так как из глаз произвольно полились потоки слёз, потому что музыка навеяла давние воспоминания.

Мы с Лёлькой сидим, обнявшись на диване, а Алька рассказывает нам о Гершвине, о его опере «Порге и Бесс».

– Девочки мои дорогие, Бэсс, это имя девушки, – и он, аккомпанируя себе, напевает на английском языке «Колыбельную» из этого мюзикла.

– А сейчас я сыграю вам замечательную вещь! – и он опять напевает, – «От Стамбула до Константинополя».

– Кстати девчонки эта песня конечно, к Стамбулу не имеет никакого отношения. Потому что в ней поётся о переименовании Нью-Амстердама на Нью-Йорк,

так, впрочем, и Константинополь стал Стамбулом. Но я, просто балдею от этой музыки!

А мы, с Лёлькой весело смеясь, отстукиваем в такт мотиву по крышке читального столика ритм знаменитой американской песни.

Но музыкант, увидев всеобщую людскую тоску, ударил смычком по струнам и заиграл «От Стамбула до Константинополя». Таких совпадений не может быть! У меня опять полились потоком слёзы. Я разрыдалась, закрыв лицо руками, стесняясь своих всхлипов. Услышав задорную мелодию, люди стали приходить в себя, на лицах появились улыбки и, кидая в футляр скрипки мятые купюры, все стали расходиться по своим делам.

С красными от слёз глазами и немного успокоенными нервами, я положила купюру в старенький футляр скрипки музыканта.

– Не плачь сестрёнка, всё будет хорошо! У тебя всё получится. Всё наладится. Держись! – музыкант с нежностью похлопал меня по плечу.

Иногда слово поддержки от незнакомых людей, которые не могут быть в курсе твоих событий, но каким-то чутьём угадывают твоё нынешнее состояние души, становится словом не только моральной поддержки, но прозорливым напутствием. А это многого стоит.

Алла Константиновна открыв дверь квартиры, закидала меня вопросами.

– Ника что с тобой? Ты вся серая. Не заболела?

– На меня метро влияет удручающе. Раньше мы любовались подземкой, а теперь... Что-то голова разболелась. Наверное, опять мигрень.

– Это плохо. Тебе звонил Глеб. Просил перезвонить ему на работу, как придёшь.

– Глебуш как ты там? Я так скучаю по тебе. Прошлый раз забыла дать тебе номер автомобиля, на котором братки подъезжали к Лёлиному дому, – стараясь быть ласковой, с трудом щебетала я, в трубку набрав рабочий номер Глеба.

– Что у тебя с голосом? – заботливо поинтересовался он.

– Голова, – еле ответила я ему. Одного этого слова было достаточно для Глеба, чтобы понять моё состояние. Весна и поздняя осень для меня время испытаний. А когда я в этот период ещё и путешествую, это становится двойной мукой.

– Немедленно выпей таблетки и ляг, ты ампулы для уколов взяла? – беспокойно спрашивал он.

– Глеб, какие ампулы, кто мне будет уколы делать? Отлежусь, не переживай. Ты чего звонил? – я старалась победить своё набегающее раздражение.

– Хорошо, запиши один телефон. Зовут человека Владимир, ты с ним встретишься, и он скажет, что надо тебе делать в этой ситуации. Это мой институтский приятель не буду объяснять, где он работает. Только очень тебя прошу, делай то, что он скажет, но не более того! Поняла? Смотри, эти братки серьёзные люди и ни с кем церемониться не будут. Держи меня в курсе всех событий. Номер машины передай ему.

Приняв последние наставления Глеба, я положила телефонную трубку и открыла форточку на кухонном окне, хватая воздух всей грудью.

– Вероника на тебе лица нет, – обратилась ко мне Алла Константиновна, когда я отошла от окна.

– Что-то много разных негативных встреч на сегодня. Впечатлений. Поездки в метро опустошают. Так и, кажется, что внешний негатив поглощает тебя, съедает изнутри. А потом я очень плохо переношу неизвестность. Я растерянна и не знаю что делать.

– Прежде всего, мы сейчас измерим тебе давление. Понятно, – сказала она, внимательно рассматривая мои зрачки.

– С таким давлением тебе не за поиски приниматься, а в больницу прямым ходом, – отругала она меня, укладывая на диван.

– Отключись. Не думай ни о чём. Подремли. Я пойду встречу Наташу из музыкальной школы, забегу в аптеку, а ты лежи в тишине.

Услышав звук закрывающейся двери, я встала и включила телевизор. Дурная привычка. Чтобы не заикливаться на боли, я всегда включаю телевизор, делаю самую низкую громкость и слушаю всё равно что. Мне кажется, этим я отвлекаю боль, хотя для нормальных людей с приступом мигрени, наоборот, звук – лишний раздражитель. Сквозь наступившую дремоту я услышала сообщение передаваемое диктором очередных вечерних новостей:

– Очередное криминальное происшествие в Северном муниципальном округе, – я поднялась с дивана, чтобы переключить телевизор на другую программу и не слышать очередной негатив.

– Алька тоже мне, американцем заделался, а матери не мог прислать из своей дорогой Америки новый телевизор с пультом? – пробурчала я.

Административное деление в Москве недавно поменялось, поэтому я не придавала значения произнесённому названию округа столицы, столько стало новых районов, округов. Но не успела я нажать на кнопку переключения программ, как на экране телевизора увидела уже знакомое здание суда, в котором была сегодня утром.

– В восемнадцать часов сорок минут по московскому времени, при выходе из здания суда, в упор была расстреляна судья... – я безвольно опустила на диван. Это была Татьяна.

В голове загудело ещё сильнее. Мой мозг и так воспалённый от стресса последних трёх дней неизвестности и страха за жизнь сестры, готов был взорваться. Выключив телевизор, я легла и накрылась пледом с головой. Мне казалось, что под ним я буду ощущать себя в полном одиночестве и безопасности. Думать о случившемся не хватало сил. Мне было очень плохо.

Как же я устала от боли! Раньше, она подкрадывалась ко мне неожиданно, делала своё разрушающе действие и также неожиданно убиралась восвояси. После одной – двух принятых таблеток, я была в состоянии встряхнуть своё помутнённое от резкой, пронизывающей боли сознание, выпить в тишине горячего кофе и бежать дальше учиться, работать.

Это было раньше. Наверное, боль была такой же молодой и несерьёзной, как я. Она могла прибежать, ниоткуда, и необдуманно с треском и звоном в моих ушах постучать по голове. Потом вдруг, так же неожиданно, жалея моё молодое сознание, быстро исчезнуть, освобождая виски от надоедливой звонкой ксилофона и словно прося прощения за свою бестактную игру, оставляла после себя шлейф некоторого блаженства.

Она возвращалась, и тут уже её играм не было предела. Она, как непослушный ребёнок, носилась по моей голове, собирая свой оркестр. В висках отбивал ритм привычный ксилофон, к нему подключались тяжёлые удары больших барабанов в затылке. Лихо выплясывал свой нервный танец тик на левом глазу, а веки от полученного удовольствия распухали и словно мягкими подушечками накрывали мои глаза.

Отбарабанив свои партии и получив от меня в благодарность – укол с лекарством, бессиленная боль со своими товарищами музыкантами засыпала от усталости, оставляя после себя неразбериху и кавардак в моей голове. А дальше, расслабленные нервы, которые от диких танцев непрошенных гостей на всё махнули рукой, от обиды начинают раскисать.

И я плачу. Я плачу от бессилия. От того, что всем кажусь сильной, гордой, целеустремлённой. Но я бессильна перед болью, как перед разбушевавшимся маленьким ребёнком, которого за его проказы можно пожурить, но тут же забыть о них, стоит ему что-то пощebetать и нежно улыбнуться.

Послышался шум открываемой двери. В квартиру вошли Алла Константиновна и Наташа.

– Сейчас милая, сейчас я тебе сделаю укольчик. Потом прими таблетки. Ничего потерпишь, я не ас, но тебе выбирать не приходится, оголись, дорогая, – Алла Константиновна, как заправская медсестра, пошлёпав по моей обнажённой округлости, потихоньку ввела десять кубиков болючего лекарства.

Полежав немного и почувствовав, как по телу разливается тёплый поток, который своей волной обволакивает мой мозг, я вздохнула с облегчением.

Встав через некоторое время, я прошла на кухню и, открыв окно, с жадностью вобрала в себя свежий весенний московский воздух, словно боялась, что сейчас я дышу в последний раз.

– Алла Константиновна, Татьяну судью убили, – тихо сказала я, закрыв окно и присев на маленький кухонный диванчик.

– Как? Когда? Кто? – удивлённо спрашивала Алла Константиновна, – откуда тебе известно.

– По телевизору показали, пока вас не было.

– Какой ужас. Вероника я чувствую, что надвигается что-то страшное. Ты сейчас ни о чём не думай. Дай организму восстановиться. А завтра мы с тобой всё обдумаем и решим, как нам жить дальше и что надо делать.

Думать и переживать у меня и, правда, не было никаких сил. Выпив чашку горячего зелёного чая, я провалилась в тревожный сон.

Глава 6

Утром, делая вид, что ещё сплю, я дождалась пока уйдут Алла Константиновна и Наташа. Головная боль прошла, но как всегда после сильного приступа и принятых лекарств тело было слабым и тяжёлым. Очень хотелось плакать, так всегда у меня бывает после приступа. Не став сдерживать свои эмоции, я разрыдалась.

Мысли беспорядочно крутились в голове. Что делать, с чего начинать поиски Лёли и Анатолия? Я отчётливо поняла, что об этом человеке нам ничего не известно. Почему убили Татьяну?

Вопросов много. Надо расхаживаться и находить ответы. Пока я приводила себя в порядок в ванной комнате, пришла Алла Константиновна. По запаху, шедшему из кухни, я догадалась, что на завтрак меня ждёт вкусный омлет.

– Ты бы ещё полежала, – Алла Константиновна, поставила на стол большую тарелку с омлетом, скорее похожим на торт, чем на завтрак из яиц.

– Нет, расхаживаться надо. Красота, какая, аж слюнки текут. После приступа, так есть всегда хочется.

– Я по себе это знаю, поэтому побольше сделала. Налетай, пока горячий. Остынет, будет не такой вкусный. Так, а кофе сегодня только с молоком! Не шути со здоровьем, – она поставила рядом с моей тарелкой чашку с горячим напитком.

– Слушаюсь и повинуюсь. Алла Константиновна, я позвоню в Ростов, успокою родителей. Думаю пока ничего не известно о Лёле, не надо их тревожить. Не рассказывайте им ничего. Я сейчас съезжу к ней в квартиру. Заберу некоторые Лёлины вещи для себя. Я не думала, что придётся здесь задержаться надолго, – не стала я откровенничать с ней.

– Ника тебе надо вернуться домой и всё рассказать отцу. Ты рискуешь. Глеб просил тебя не впутываться в эту историю. А вдруг?

– Кому я нужна? Бандиты уже посетили квартиру, проверили, обыскали, для себя решили, что Анатолий сбежал. Только не знают они, что сбежал он с деньгами. А я просто переоденусь. И вот, что я думаю. В принципе, мы ничего не знаем об этом человеке. Да, ещё посмотрю все ли вещи Лёли на месте. Не могла же она скрыться с ним совсем без денег. Хотя...

– Никаких хотя. Не верю я, что Лёля никого не предупредив, могла убежать с этим адвокатом.

– Вы правы. Алла Константиновна, не переживайте, я быстро и незаметно. Глеб ничего не узнает, а мы с вами не будем его расстраивать.

Для себя я решила съездить к Лёле для того чтобы порыться в бумагах Анатолия. Хотелось найти хотя бы какую-то зацепку, которая могла бы подсказать с чего и как надо начинать поиск сестры.

Попрощавшись с Аллой Константиновной, я решила поехать сначала не к Лёле, а в суд и попытаться хотя бы что-то выведать о Татьяне и её гибели. Дёрганный и скрипучий автобус довёз меня до нужной остановки. Пасмурно. Такое впечатление, словно серый цвет овладел всем городом. Возможно, моё состояние и настроение влияет на восприятие пейзажа. Конечно. Раньше и в такой погоде я старалась найти позитив. Устраивала себе лишние выходные и читала запоем.

Плюсы перестройки – появилось много литературы. На все вкусы и на любую безвкусицу. А пресса-то как разгулялась! Каких только нет газет и газетёнок! Журналов и журнальчиков.

– Ника! – я шла, задумавшись об изобилии прессы и не слышала, как меня кто-то звал, – Ника! – я обернулась, – я смотрю, ты ли это? А мы с мамой звоним тебе домой. И Лёле звонили, а вы с ней пропали куда-то! – я увидела перед собой дочь своей клиентки Машу. Ей я иногда

делаю маникюр, а её маму обслуживаю по полной программе. Прихожу к ним домой и остаюсь с утра и до самого вечера.

– Ой, Машка! Да я только приехала, ещё не успела никому позвонить, – не стала я открывать всего положения дел чужому человеку, – я в прошлом месяце приезжала, тоже вас с мамой разыскивала. Думала, куда делись мои постоянные клиенты?

– Не говори! В Испанию ездили. Моя мама испанка. Ты не знала? Она ребёнком попала в Москву, когда война была. А теперь времена изменились. У нас родственники в Барселоне нашлись. Вот мы с ней и погуляли за границей. Красота! Так ты давно в Москве? К нам заедешь?

– Конечно, созвонимся.

– А куда ты бежишь? Смотрю, бежит, торопится, не угнаться, – продолжала Маша.

– Москва ваша вечно ритм задаёт. Все бегут и я со всеми. Чтобы в ногу, – ответила я без энтузиазма продолжать разговор, – а ты, куда в такую погоду?

– Ой, Ника, ты же не в курсе! Я теперь адвокат. Юридические консультации развалились, теперь все в адвокаты подались. Куда пальцем не ткни – адвокат, гинеколог, стоматолог. Вот и я теперь бегаю – «развожу» людей, в общем, по мелочи работаю, на хлеб хватает. Так нам по дороге? Ты тоже в суд? – удивилась она, увидев, что я хочу войти в здание суда.

– Анатолий попросил, раз мне по дороге, к Лёлиной подруге судье зайти бумажку какую-то передать. Лёлька простыла сильно, лежит, а я вот бегаю, – придумала я сходу.

– Ой, стой. Давай покурим, время ещё у меня есть. Ты не спешишь?

– Да нет, – как можно беспечно ответила я ей.

– Слушай, а кто у Лёльки подруга, тут вчера такое случилось! – тараторила Маша, закуривая сигарету.

– Где случилось? – прикинулась я несведущей.

– Ты чего новости не смотришь? Тут вчера вечером расстреляли судью. Смотри, видишь всё песком засыпано? – она кивнула на место засыпанное песком, на котором лежали разбросанные цветы.

– Какой кошмар! Что делается? А что за судья?

– Панфилова или Панкратова? Она уголовные дела вела, я её не знаю.

– Панкратова? Татьяна? Ужас!

– Что, тебе к ней? – удивилась Маша.

– Да. Какой кошмар! Что я Лёльке скажу? Они давно дружили. А как это произошло? – стала я наперебой задавать растерянной Маше вопросы.

– А я откуда знаю? Слушай, пойдём в канцелярию поднимемся там, у девчонок секретарей узнаем. Кошмар какой-то. Вот жизнь пошла, – мы вошли в здание суда. В фойе на стене висел портрет Татьяны с чёрной ленточкой наперевес. Под портретом столик с горкой из цветочных букетов.

– Вы к кому? – обратился к нам человек в милицейской форме. Взяв у Маши адвокатское удостоверение, он сделал запись в журнале.

– Вы теперь всегда записывать будете? – спросила его Маша, увидев, что её данные милиционер внёс в журнал.

– Теперь всегда. Вы к кому? – обратился он ко мне. Не успела я и рта открыть, как Маша ответила, – она со мной.

Мы поднялись на второй этаж здания суда. Маша, с видом знатока, вошла в канцелярию. Через некоторое время вышла с молоденькой миловидной девушкой. Вид у этой девушки для участия в судебных заседаниях и для дня траура был очень ярким. Броский макияж, вытравленные до белизны волосы с взбитым начёсом. Чёрная блузка декольте и обтягивающая бёдра мини юбка. Или меня уже всё раздражает, или для ведения заседаний, действительно неподобающий вид.

– Ника это Оля. Она была секретарём у Татьяны Витольдовны. Вы с ней потренируйтесь, а я побегу. Сегодня звони, мама обрадуется, а то ты же её знаешь, замучает, пока себя в порядок не приведёт, – сделав воздушный поцелуй, Маша побежала по своим делам.

Пока я прощалась с приятельницей, посетители замучили Олю различными вопросами.

– Давайте в зал пройдем, а то здесь поговорить не дадут, – она открыла своим ключом зал заседаний, который сразу же закрыла с обратной стороны на ключ.

– Оленька, что случилось с Татьяной? Кто это мог быть? – спросила я её, как только мы сели в издававшие виды деревянные скрипучие кресла.

– Получается что, чеченцы. Они её достали, скажу я вам. И меня достали. Так нагло себя ведут. Представляют, рассядутся в креслах и всё! Им суд не писан. А с другой стороны...

– А тебя как они достали? – поинтересовалась я.

– А чего? Уставятся. Они что, красивых баб не видели, а если увидели, значит, она должна быть с ними? Деньги предлагали. А чего мне предлагать? У меня жених есть. Он каждый вечер меня встречает.

– И вчера встречал?

– Да, конечно. Только я всегда раньше уезжаю. А Татьяна Витольдовна, как обычно задержалась.

– Ничего такого вчера не случилось? Вспомните. Может какая-то мелочь промелькнула, к ней кто-то приходил? Поссорилась с кем-то? Или по телефону с кем-то странно говорила? А чеченцы эти, всё-таки могли убить?

– Я милиции так и сказала, что чеченцы скандальные конечно, наглые, но мне кажется... Понимаете, не то дело, ради которого убивают. Дело-то хулиганка. Да Татьяна только такие дела и рассматривала. Я вот, что вспомнила. Вчера пришла на работу, а Татьяна Витольдовна уже на месте была. Я в дверь, а из неё Марина Сергеевна выскочила. Красная вся, злая, чуть свои очки не раздавила. Я к Татьяне в кабинет вошла, а она курит так нервно. Я ещё подумала, чего это они поругались, что ли? Но мало ли? Сейчас в суде такое творится. Вот я думаю, грешно, конечно, но мне кажется, их перепутали!

– Кого их? – удивилась я.

– Ну, Татьяну Витольдовну перепутали с Мариной Сергеевной. Она разбои ведёт. Да и всем уже известно, откуда у неё такая шикарная машина. Знаете, это дело не моё, конечно, так, что я вам ничего не говорила. Каждый зарабатывает, как может.

– А вы милиции это рассказали?

– Что вы! Меньше скажешь, спокойней спишь.

– Оля, а вы не покажете мне эту Марину Сергеевну?

– Покажу, вы посидите в холе, а я вам дам понять, что это она. Что теперь будет? Мой жених мне запрещает работать. Работаем за копейки. Убьют – зарплаты не спросят. Уволюсь я, точно.

– Вы молодая, красивая. Найдёте себе работу, – ответила я ей и мы вышли из зала заседаний. Только я хотела присесть на свободную скамейку, как Оля подошла к шедшей навстречу по коридору женщине.

– Марина Сергеевна! – громко сказала она, обернувшись в мою сторону и став так, чтобы я смогла хорошо разглядеть судью.

Я внимательно посмотрела на остановившуюся женщину. Мне показалось, что она так же с интересом смотрит в мою сторону.

– Какой у неё колючий взгляд. Надо всё-таки порыться в бумагах Анатолия, если не с Татьяной, то с кем же он сотрудничал в суде? – подумалось мне, и я поспешила выйти из здания суда.

* * *

Задумавшись, я села в подошедший автобус. Открыв дверь Лёлиной квартиры я, разувшись, сняла куртку и только вошла в кабинет Толика, как кто-то резко и больно схватил меня сзади за плечи и ладонью закрыл рот. Я очень испугалась.

– Тихо! – прошипел мужчина за моей спиной. Звать на помощь я не могла, даже если бы и захотела. От страха и испуга моё горло всегда сжимается спазмами так, что я могу только хрипеть. Голос меняется и становится грубым и сиплым. Мужчина толкнул меня в кресло, сам сел напротив. Его ухмылка не предвещало ничего хорошего. Меня в экстренных ситуациях всегда спасает концентрация и чёткое представление последствий. Недаром офицерская дочь. Молча я смотрела на мужчину, одетого в модную кожаную куртку. Руки с татуировками на пальцах он положил на боковины кресла. Судя по манерам, скорее всего, это был Николай, которому Анатолий хотел отдать деньги.

– Наглядная агитация, – промелькнуло у меня в голове, глядя на его растатуированные пальцы.

– Ну что коза, долго бегать будешь? Я что нанялся тебя здесь ждать? – сказал он угрожающим тоном с блатной разговорной растяжкой.

– Вы кто? – прохрипела я.

– Заткнись, и слушай сюда! Где твой урод?

– Вы кого имеете в виду? – не унималась я.

– Адвокат где? – повысил голос Николай.

– Вам виднее!

– Что?! Бабки где? – он приподнялся с кресла и приблизился к моему лицу.

– Вы имеете в виду те деньги, которые я привезла Анатолию? Так он поехал к вам. Повёз вам выкуп за сестру и не вернулся. Я уверена, что он с моей сестрой и деньгами у вас. Кстати, не только я так думаю, – повысив интонацию, выпалила я.

– Ты чего гонишь? Ты хочешь сказать, что ты привезла бабло, а этот хмырь со своей лярвой слиняли по-тихому?

– А вы хотите, чтобы я поверила, что они не у вас и вы сейчас не требуете за них дополнительный выкуп? – разошлась я, совсем осмелев, увидев растерянность на корявом лице бандита.

– Стой, это что получается? Он меня кинул?

– Получается то, что вы похитили мою сестру, потом взяв двадцать тысяч за её, похитили и Анатолия. А вчера вечером, не вы ли убили судью, которая отказалась вам помогать, – увеличила я сумму привезённых мною денег. По выражению лица я поняла, что Анатолий, скорее всего не у бандита, а просто скрылся с деньгами. Мне казалось, что услышав это, Николай выложит мне всю правду.

– Ты что мелешь! – он схватил меня за плечи, поднял с кресла и с силой опустил в него.

– Спокойно! Без рук, – продолжала я тихо и хрипло доносить до хорошенько нарушенного наркотой мозга мужчины свою мысль, – вы успокойтесь и для начала разберитесь. Сестру вы похитили?

– На кой она мне?

– Вы же с ней ездили к убитой судье? Но назад домой её не привезли?!

– Что за туфта? К судье ездили, она нас послала. Адвокат в шутки решил играть, а я такие игры не люблю. Деньги свои забрал. Её привёл в квартиру и сказал адвокату, что счётчик включён. Он не решил проблему. А чего ты мне вкручиваешь, что ещё кто-то что-то знает? Мне до фени ваши игры. Поняла! Раз он слинял – долг за тобой! Ясно?! – вдруг взбесился он.

– А ещё чего? – я поднялась с кресла, – вы докажете, что они не у вас и вы не взяли мои деньги! – необдуманно предложила я ему.

– Слушай сюда! Доказать говоришь? – он встал и вытащил из внутреннего кармана куртки пистолет. Одной рукой он держал меня за плечо, другой приставил дуло пистолета к моему виску.

– Доказать говоришь? Нет проблем! Поняла? Это у меня нет проблем, а у тебя они появились. Через неделю чтобы деньги были. Сколько ты ему привезла? Говоришь двадцать? Время пошло. На сегодня ты должна мне уже тридцать? Вот так! Поняла? Не слышу? Тридцать штук чтобы лежали здесь, – он пистолетом постучал по письменному столу, – а если соберёшься слинять, я тебя найду. Ясно? Только попробуй смыться, как они. Пеняй на себя.

Он опять толкнул меня, и я ошарашенная и униженная упала в кресло. Дверь за ним захлопнулась, а я ещё долго не могла пошевелиться. Что делать?

– А что делать? – стала я себя успокаивать, – надо всё обдумать, прийти в себя.

Я прошла в кухню, накапала в чашечку успокоительных капель. Села за стол, не зная, что предпринять.

– Надо составить логическую цепочку событий, – думала я, – что тут составлять? Ясно, что этот отморозок никого не похищал и видно денег привезённых мною не получал. Ясно, что второй отморозок в виде Анатолия похитил деньги. А где же Лёля? На такое с этим аферистом она пойти не могла. Знала, что в этом случае подставит меня. Остаётся одно. Местонахождение Лёли знает только Анатолий, который скрывается и от нас и от бандитов. Заявить в милицию? Что это даёт? Да ни чего не даёт. Анатолий правильно сказал, что сейчас милиция успешно помогает бандитам. Кто убил Татьяну? Так может её убрали из-за других дел? Мало ли какие дела она вела в суде. Я набрала номер телефона Аллы Константиновны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.